

евгений
гришковец

ПОЧТИ
РУКОПИСНАЯ
ЖИЗНЬ

ODNO
VREM
ENNO .COM

Евгений Гришковец

Почти рукописная жизнь

«Автор»

2013

Гришковец Е. В.

Почти рукописная жизнь / Е. В. Гришковец — «Автор», 2013

«Почти рукописная жизнь» – уже пятая дневниковая книга Евгения Гришковца. Предыдущие полностью или частично были основаны на записях в блоге с возможностью обратной связи. Эта же книга целиком собрана из записей, изначально диалога не подразумевающих, то есть в ней больше от дневника, чем от блога. Она меньше связана с событиями прошедшего года, высказывания в ней уже не так привязаны ко времени. Литературы в этой книге больше, чем публицистики. В книгу вошёл дневник полярной экспедиции в национальный парк «Русская Арктика», который Евгений вёл в июле 2012 года с борта научно-исследовательского судна «Профессор Молчанов».

© Гришковец Е. В., 2013

© Автор, 2013

Евгений Гришковец

Почти рукописная жизнь

© Евгений Гришковец, 2013

© Серж Савостьянов, обложка, 2013

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вы держите в руках уже вполне настоящий личный писательский дневник. Прежние дневниковые книжки несли в себе следы влияния интернета и потребности реагировать на происходящее в стране и мире как можно скорее, а лучше немедленно. Отказавшись от возможности общения и получения комментариев по поводу записей в своём Живом журнале, безоглядно и бесповоротно выйдя из блогосферы и социальных сетей я ощутил абсолютную свободу и радость. Я расстался с необходимостью напоминать о себе в интернет-пространстве. Тот год, который зафиксирован на страницах этой книжки, остался в записях совершенно иного рода. Я стал писать реже, но больше. Высказывания стали менее скоропалительными, но вдумчивыми и осмысленными. В этой книжке гораздо больше литературы, чем публицистики. Раньше было наоборот. Соответственно и требовать с неё можно строже.

Ваш Гришковец

4 января

Вечером первого января пошёл чистый и какой-то идеальный снег. Он шёл несколько часов и засыпал город ровным слоем чистоты и свежести. Дети успели в нём и поваляться, и покататься снежками. Для младшей Маши это был первый в жизни сознательный и осмысленный снег. И выпал он как будто по заказу. Но после полуночи столбик термометра пополз вверх, снег стал оседать, в детских следах во дворе появилась вода, следом пошёл дождь, и к утру белого покрова как будто не бывало. Второго января температура поднималась аж до +10 С...

Хороший получился праздник. Возможно потому, что мы от него ничего не ждали, ничего особенного не выдумывали. Телевизор не включали вовсе. Даже традиционную речь главы государства пропустили и не вспомнили о ней. Нам было просто хорошо вместе. А когда младшие уснули, мы вдруг осознали, что энергия плещет через край, хотя сами мы только чуть-чуть пригубили шампанского. Мы поняли, что нам нужно выйти, выбраться, выехать в город, увидеть людей, навестить друзей. Мы быстро оделись по возможности в весёлые наряды: Наташе нашёлся настоящий лётный шлем с очками, её подруге – большая, ещё сибирская, купеческая лисья шапка, диковинная для Калининграда, я нацепил кепку с очками, как у Козлевича, а Лена навертела на голову оранжевый тюрбан. Так мы уселись в наш маленький весёлый кабриолет, открыли крышу, громко включили «Бони М» и выехали в город... Да! От этого моя простуда только усугубилась! Но все, кто нас видел, были рады. Даже милиционеры. А у нас случилась эйфорийно-весёлая прогулка по городу. Заезжали к друзьям. Все были рады нашей лихости. Вернулись домой совершенно замёрзшие, голодные и взбудораженные. А что ещё нужно? Даже ума не приложу...

Хочу начать этот год неспешно и вдумчиво. Это первый мой Новый год в доме, который я ощущаю тем самым жилищем, где готов встретить старость. Новое и сильное ощущение, в

нём много печального и много радостного. А ещё много такого, что я чувствую, но пока не могу определить словами. Поэтому хочу начать год с воспоминаний и мемуарных записей...

В то время как большинство моих друзей и соотечественников изо всех сил катается на лыжах со склонов заграничных гор или поддерживает экономику стран Юго-Восточной Азии, или с ума сходит от безделья, обжорства и пьянства, или смотрит всё подряд в кинотеатрах, или делает что-то ещё столь же содержательное... – мне хочется привести в порядок разрозненные, но яркие воспоминания и эпизоды разных лет...

Вчера стал разбирать коробки с книгами, журналами, фотографиями и бумагами. Часть коробок не были распакованы ещё со времени переезда из Кемерово в 1998 году. Какими-то книгами я пользовался, что-то мне дарили. Бумаги, фотографии и журналы накапливались. С 1998 года мы уже дважды переезжали, и вот, не так давно, переехали окончательно. Коробки и связки книг остались неприкаянно стоять в коридорах и на лестнице. В темноте о них все спотыкались, они создавали неряшливую картину и ощущение неоконченного переезда. Нужно было их перебрать и от чего-то решительно отказаться. Вчера я принялся за дело. Хотел позаниматься этим часок-другой и конечно же погряз на весь день.

Мне это занятие всегда доставляло удовольствие и радость. Какие-то книги останавливали процесс и затягивали вглубь. Разбор старых фотографий, как правило, собирал всю семью, мы смеялись, предаваясь воспоминаниям, уточняя детали... В этот же раз разбор книг погрузил меня в неожиданную грусть и сопровождался целым рядом открытий.

Я вскрывал коробки, брал в руки книги, которых не касался больше десяти лет, и, на удивление, узнавал каждую. Каждая из них когда-то была событием. С каждой связана какая-то история. Это могла быть долгая очередь... и в итоге тебе доставалась чуть ли не последняя книжка, или удачный обмен с книголюбом, или чей-то подарок, или случайная покупка редкой книги в сельском магазине.

Я начал покупать книги в конце девятого класса. Что только не было мною куплено! Помню, купил толстенный сборник современной каталонской поэзии в русских переводах. Читал в автобусе по дороге домой, ни черта не понимал, но пытался находить какие-то смыслы. В одной из коробок нашёлся том классической корейской новеллы XVII–XVIII веков. Ведь прочёл же тогда, в последние свои летние каникулы, эту мусть от корки до корки! Читал и радовался! Чему? Перебрал целую коробку испанских, венгерских, чехословацких, греческих, эстонских, исландских и прочих писателей. Попались книги, написанные разного уровня декабристами. Декабристов когда-то много издавало Иркутское издательство. Папа привозил эти книги из Иркутска, где декабристы отбывали свою ссылку. Большинство из них обладали сомнительными литературными способностями. Но я пытался их читать.

В одной из коробок обнаружили шикарные миниатюрные издания уж совсем экзотических текстов. Всё-таки культура нашего книгоиздания поражала изысканностью и богатством. Помню, как долго стоял за маленькой книжкой в изумительной суперобложке. В очереди я был самым юным и ощущал себя членом некоего элитарного клуба, потому что очередь стояла за книгой «Средневековые европейские фарсы». Книга красивая, а содержание грубое и площадное, и мне до сих пор интересно, знали ли те, с кем я стоял в очереди, что сия книга содержит столько скабрёзностей. Я не раз носил её в школу и удивлял одноклассников тем, что *такое* может быть напечатано в красивой иллюстрированной книжке.

Маленький толстый томик новелл Стефана Цвейга я купил случайно в сельском магазине деревни Глубокое. Этот томик стоял рядом с большим куском хозяйственного мыла и был меньше этого куска, но стоил аж рубль двадцать. Помню, продавщица удивилась. Видимо, этот томик долго мозолил ей глаза.

В отдельной коробке были аккуратно сложены мои любимые книги о кино, киносценарии, дорогие мне журналы. Одна увесистая связка оказалась набором книг о разных географических открытиях и исследованиях. В ней обнаружили рядом и Герман Мелвилл и Тур Хей-

ердал. Многие из них только пролистаны, иллюстрации рассмотрены и изучены, но книжки так и не прочитаны.

Да. Многие из этих книг не прочитаны или прочитаны не до конца, или прочитаны, но не поняты, или поняты ровно настолько, что было ясно, что нужно перечитать...

Я перебирал книги, и на меня опустилась грусть. Я вдруг понял, что с ними нужно расстаться. Я со всей ясностью осознал, что уже не прочитаю непрочитанные книги, не дочитаю недочитанные и не перечитаю те, которые хотел перечитать. А когда-то эти книги вызывали у меня радость и трепет от ещё не прочитанного, давали ощущение огромного непознанного и огромной бесконечно интересной жизни, в которой мне многое интересно, а любопытно практически всё. Теперь же, вечером 4 января третьего года второго десятилетия двадцать первого века, книги, купленные мной в основном с 1983-го по 1985 год, говорят мне прямо противоположное... Говорят, что не столь уж многое мне любопытно, многое совсем неинтересно и время моё не бесконечно.

Почувствовал я эту печаль и грусть, взял коробки и стал безжалостно укладывать книги обратно, чтобы на днях отвезти их... Я подумал: отвезти в библиотеки? Но вспомнил эти унылые, опустевшие учреждения и решил отдать книги за бесценок букинистам. Есть ещё люди, которые самозабвенно и даже безумно любят книги. И в этом случае у моих книжек будет шанс оказаться в чьих-то руках, будет шанс, что их хотя бы откроют.

Сколько же было потрачено на них времени, усилий, нервов... Да что там говорить – денег тоже было потрачено немало. Но с какой же радостью! Как бессмысленны были в то время деньги по сравнению с книгами...

Вот они, дорожные или просто дорогие альбомы с плохими отечественными репродукциями картин великих мастеров. Вот Иероним Босх, изученный мною при помощи увеличительного стекла по миллиметру. Вот Куинджи. А репродукции-то ничего не передают! Не светится луна на репродукциях! Вот любимая книжка Дюрера, в которой даже гравюры напечатаны расплывчато и блёкло, а я когда-то всматривался в них часами. Надо расставаться с этими книгами, они уже не будут играть в моей жизни прежней роли, а детям моим покажутся просто хламом...

Расставаться вообще грустно, а расставаться навсегда – тем более. Я оставил совсем немного книг, с которыми просто не смог проститься. Получился странный набор, казалось бы, не связанных друг с другом текстов и смыслов. Ну какая связь может быть между трагедиями Луция Аннея Сенеки, маленьким романом Михаила Анчарова «Теория невероятности» 1967 года и письмами Оскара Уайльда на английском языке, которую я пытался читать в оригинале? Их ничего не связывает, кроме моей собственной жизни и того, что эти книги попали когда-то мне в руки, были прочитаны и произвели важное, своевременное впечатление.

Я вряд ли открою и оставленные книги. И сильно сомневаюсь, что они заинтересуют кого-то из моих детей и внуков. Но я просто не могу расстаться с ними! Пусть ещё побудут со мной...

А сколько исписанных листочков, билетиков, записок, календариков и прочей бумажной мелюзги выпало из этих книжек!.. Но об этом уже не сегодня.

5 января

В одной из коробок на самом дне я обнаружил книжку, которую не раскрывал и не листал с 1982 года. Эта книга называется «Пространство цвета, или Заметки о советских художниках кино». В ней собраны статьи о великих художниках великого советского кинематографа и много эскизов, из которых когда-то родились в большинстве своём любимые наши фильмы. Эту книгу я получил в подарок на своё пятидесятилетие, то есть тридцать лет назад. Я взял её в руки, вспомнил обстоятельства того дня рождения, на который впервые не позвал одноклассников, потому что был с ними в контрах... То был, наверное, первый мой взрослый день

рождения. Взрослый, потому что меня тогда поздравляли только взрослые. И эта книга была весьма взрослым подарком.

Я взял вчера книгу, и из неё выпало несколько листочков, исписанных мелким почерком. На одном даже сохранились мои рисунки. Почерк не мой. Рисунки мои. Мне было четырнадцать, когда я прочёл написанное на этих листках. Я много раз тогда перечитывал написанное и в раздумье калякал ручкой или карандашом на свободных от записей пространствах бумаги. Трудно даже попробовать передать, какое значение в моей жизни сыграли эти листочки. Я не думал, что они сохранились. Я поднял их и даже задохнулся от изумления. Если рассматривать мою жизнь как некую историю человечества, то эти листочки как документы некой моей мистической и совершенно античной жизни. Это листочки из той моей эпохи, когда каждый момент и событие были наделены большим значением и мне доставало сил всё переживать глубоко и сильно...

В 1981 году, когда мне было четырнадцать, мои родители самым удивительным и счастливым образом приобрели путёвку за границу. По этой путёвке они должны были поехать в ГДР (Германскую Демократическую Республику), а также в Чехословакию, то есть, по сути, посетить три страны. Это была их первая в жизни поездка за границу и было большое семейное событие. Не буду рассказывать о подготовке, о том, как мама прочитала массу литературы о городах, которые предстояло посетить, о том, как были переслушаны советы от людей, которые там побывали, где что покупать и что с собой везти... Не буду рассказывать, как я мечтал и фантазировал, что родители привезут мне из-за границы, и также не буду рассказывать, как одним неверным движением засветил при проявке обе плёнки, отснятые отцом в заграничном путешествии. Не буду об этом.

Я расскажу о тех днях, которые провёл без родителей. Те три недели полностью изменили моё отношение ко многому, очень ко многому...

Путёвку родителям выделили не в летнее время, а в самый разгар учебного года. По этой причине меня не могли отправить к бабушке на юг. А на три недели четырнадцатилетнего парня оставить без присмотра родители не решались. Да я и сам не хотел. Я был довольно домашним и с детства категорически не хотел и даже не пытался готовить себе еду. Родители долго думали, кто может взять на себя ответственность за меня на эти три недели. Выбор пал на молодого маминого коллегу с кафедры, на которой она тогда работала в Кемеровском технологическом институте пищевой промышленности. То была кафедра теплотехники и термодинамики, а молодой коллега был недавно приехавший из Ленинграда учёный, защитивший диссертацию, но ожидавший утверждения, «сосланный» по распределению в Сибирь. Это был не единственный ссыльный с берегов Невы на маминой кафедре. И поскольку мой папа тоже когда-то заканчивал аспирантуру в Ленинграде, у нас дома образовался некий клуб. По субботам к нам приходили в гости ссыльные и некоторые другие родительские коллеги. Мама готовила что-то незамысловатое, мужчины покупали болгарское или венгерское красное вино, например весьма доступную «Медвежью кровь», папа в большой кастрюле варил из него глинтвейн. Засиживались допоздна. Играли в ап-энд-даун (к этой игре допускали даже меня) или в кинга. Если не хотелось в карты, играли в балду или просто много говорили. Я помню эти разговоры и эту атмосферу. Убеждён, без тех вечеров я не стал бы тем, кем являюсь теперь. Меня не прогоняли, не укладывали спать, не фильтровали разговоры и темы. Мне доверяли. Я очень этим гордился.

Молодой мамин коллега мне с первого взгляда не понравился. Он появился у нас дома по случаю покупки родителями какой-то новой мебели. И пришёл помочь эту мебель затащить и расставить. Не понравился он мне странной манерой говорить, своей сутулостью и лысиной, которая была хорошо заметна среди обрамлявших её длинных светлых волос. В нём совсем не было ленинградского шарма и лоска. Скорее наоборот. Не по сезону болоньевая тонкая куртка и облезлая рыжая ондатровая шапка, сильно вытертые джинсы и всё какое-то... совсем немод-

ное. По мнению сибиряка, так не мог выглядеть человек из Ленинграда. (Не буду называть его имени, так как не знаю, как он отнесётся к моему рассказу. Назову его В. А.)

Когда В. А. появился у нас в доме в первую свою субботу, он тут же вступил в ожесточённый спор с мамой, что было у нас не принято. Предметом спора стал академик Сахаров. Суть спора не помню, но разговор дошёл и до Солженицына. Спор был горячий. И конечно же, я был на стороне мамы, которая, надо сказать, умела и умеет приложить словом. В. А. явно не ожидал такого накала страстей в стандартной квартире сибирской девятиэтажки. Но в следующую субботу снова пришёл. И каждый раз у мамы с ним разгорался спор. Видимо, именно поэтому папа проникся к нему особым уважением. С В. А. они засиживались до утра, когда все остальные уходили.

Вот В. А. и попросили пожить со мной три недели. Почему именно его? Думаю, потому, что мама увидела в нём характер, отец – сильного человека, а я в свои четырнадцать был не ангел, в смысле был упрям и искал авторитетов где-то на стороне. А ещё В. А. был одинок и ответственен. В общем, родители уехали, и я остался с малознакомым мне человеком, который был наделён полномочиями контролировать мою жизнь. Нужно напомнить, что связи у меня тогда с родителями не было. Позвонить они смогли только пару раз, это было ужасно дорого, а письма шли бы так долго, что в них не было смысла. И, когда родители уезжали, я, если бы не В. А., не смог бы скрыть своих детских слёз.

В первый же вечер В. А. попытался проверить у меня уроки, что встретило с моей стороны весьма холодную реакцию. Однако я предоставил ему пару тетрадей, а он даже позволил себе несколько замечаний, которые были мной проигнорированы. Я занял некую выжидательную и молчаливую позицию, а В. А., если мне не изменяет память, был вполне всем доволен, читал книгу, мурлыкал себе под нос какой-то мотивчик и непрерывно делал записи на листочках своим мелким округлым почерком. Всё это меня раздражало, а то, что он с удовольствием ел наготовленную мамой впрок еду, вызывало у меня приступы ревности и гнева.

6 января

В то время я очень увлекался фантастикой. Да и вообще переживал период запойного чтения. В свои четырнадцать я был несколько растерян в смысле литературных пристрастий, потому что Джек Лондон, Фенимор Купер, Марк Твен, О'Генри, Эдгар По, Конан Дойль и Герберт Уэллс были прочитаны. А в более раннем возрасте я ходил в клуб любителей фантастики, который собирался по воскресеньям в Детской библиотеке имени Гайдара. Каждое воскресенье я утром ездил через весь город в библиотеку ради неких заседаний этого клуба, который назывался «Альтаир». Тогда я перечитал всего Беляева и с трудом осилил жутко занудный роман Жюль Верна «20 тысяч льё под водой». Не могу сказать, что мне сильно нравилась та фантастика, но в клубе было интересно. В основном в него ходили девочки постарше и несколько парней. Девочки были все какого-то отрешённого типа, склонные к написанию стихов. А вот парни были интересные. И у многих были дома хорошие библиотеки. Мне нравилось приходить в светлое помещение читального зала, участвовать в каких-то мудрёных обсуждениях и дискуссиях, пытаться коллективным образом писать фантастические рассказы и прочее. А ещё членство в клубе давало возможность получать в библиотеке на руки редкие и ценные книги, на которые была очередь. Период чтения детской фантастики и последующая любовь к многотомной приключенческой литературе должны были чем-то смениться. Вот я и увлёкся научной фантастикой.

Это было очень модно. Мой дядя, которого я страшно любил и который у родственников считался большим интеллектуалом, зачитывался фантастикой. Чтение фантастики, знание таких имён, как Шекли, Азимов, Лем, братья Стругацкие, Брэбери, давало возможность общения с самыми «передовыми» и модными молодыми людьми, которые были старше меня, но принимали моё общество, поскольку я был приобщён к литературе, которая их и объеди-

няла. Но, когда я сказал, что я знаю и даже читал Курта Воннегута, кто-то из студентов удивлённо приподнял бровь, что мне, четырнадцатилетнему семикласснику, очень польстило. А на вопрос, что же я понял из прочитанного, мне удалось как-то остроумно ответить. Настолько остроумно, что засмеялись даже надменные очень взрослые для меня девушки. Мне приятно было благодаря научной фантастике попасть в сталинские дома в самом центре города Кемерово, очутиться среди детей гендиректоров, прокуроров, заведующих универмагами, бакалеями, овощными базами и даже директора драмтеатра. Я оказался среди золотой молодёжи, хотя сам жил на окраине.

И вот, оставшись без родителей на попечении молодого учёного, я пожелал продемонстрировать ему свои знания элитарной литературы, уверенный в том, что он в своей потёртой ондатровой шапке вряд ли знаком с шедеврами научной фантастики... Я весьма картинно устроился на диване с книгой, на которой гордо значилось «Роберт Шекли». Держал я книжку так, чтобы он мог прочесть имя автора. Но, бросив в мою сторону взгляд, он никак на книгу не отреагировал. Читать мне пришлось долго. Мне не особенно нравилось, но приходилось изображать глубокое погружение и увлечённость книгой.

Только спустя пару часов, когда пора было укладываться спать, В. А. неожиданно спросил, что мы проходим в школе по литературе. Я сделал кислую физиономию и сказал, что проходим мы «Горе от ума» Грибоедова. Он, что было для меня ещё более неожиданно, очень заинтересовался и даже воодушевился. В. А. подошёл ко мне, присел рядом и спросил моё мнение об этом произведении. Я сказал, что у меня нет никакого мнения на этот счёт, поскольку я не намерен читать эту муть, и что есть книги поинтереснее и поважнее.

– Это какие же? – спросил он.

– Например вот эта, – ответил я.

– Можно полюбопытствовать? – попросил он, взял мою книгу, заглянул в оглавление и немножко полистал. – Разрешешь мне её почитать?

– Но мне её дали всего на несколько дней, – обескураженно ответил я. – Это очень ценная книга.

– Я полагаю, что тебе пора ложиться, а завтра я тебе книгу верну. Я быстро с ней ознакомлюсь. И кстати, что у тебя с уроками?

Я счёл, что вопрос был бестактным. Встал и ушёл в свою комнату, как бы позволив ему почитать мою книгу.

На следующий день, перед школой, В. А. попросил что-нибудь ещё, как он выразился, «из этой же серии». У меня что-то нашлось. Вечером того же дня у нас закончились приготовленные мамой продукты и В. А. приготовил ужин. Он приготовил курицу в глубокой сковородке с большим количеством лука. Он сильно надымил, гремел и даже открывал окно, чтобы выпустить лишние запахи, дым и пар. Но запах был вкусный. Я хотел проигнорировать или выразить неудовольствие его стряпнёй. К тому же блюдо на вид выглядело не особенно аппетитно, но В. А. обезоруживающе трогательно признался, что с непривычной плитой и сковородкой его дебют не удался и что тягаться с моей мамой в кулинарных талантах и возможностях он считает самонадеянным безумием, однако гарантирует, что то, что получилось, – съедобно. Было видно, что он волнуется. Это меня тронуло, к тому же курица получилась сочная и вкусная, я ел с удовольствием и даже не стал этого скрывать.

Во время того ужина В. А. сказал, что ознакомился с данными ему мной книгами и ему интересно, что меня в них привлекает. Я не задумываясь ответил, что в научной фантастике меня интересует сильный человек в сложных и непредсказуемых обстоятельствах. Он выслушал мой ответ, задумался и совершенно искренне спросил, почему в таком случае меня не интересует «Горе от ума», где как раз всё, что меня интересует в фантастике, присутствует в изобилии. Я ответил, что «Горе от ума» написано давно, это скучно и ещё я не люблю читать,

когда всё в рифму. Тогда В. А. принёс томик Грибоедова и зачитал мне вслух забавный отрывок. Как я позже узнал, это был монолог Репетилова. Мне нечего было ответить, потому что прочитанный текст звучал блестяще. А после того как мы закончили ужин и вымыли посуду, В. А. принёс томик Пушкина и прочитал мне пушкинскую статью, посвящённую «Горе от ума». Пушкинское высказывание было настолько неожиданным и живым, и оно настолько расходилось со школьной трактовкой образа Чацкого, что у меня просто руки зачесались да и глаза тоже зачесались немедленно прочитать «Горе от ума», перечитать пушкинскую статью и выступить на уроке с альтернативным высказыванием. Что я через пару дней с блеском и осуществил. Однако Шекли я демонстративно дочитал, а на вопросы В. А. по поводу моего интереса и понимания научной фантастики старался давать уклончивые, расплывчатые ответы.

Через неделю нашего совместного проживания я вынужден был признаться самому себе, что, возвращаясь из школы, жду, когда В. А. придёт из института домой...

В один из вечеров я попытался поставить ему на своём магнитофоне «Пинк Флойд» и «Лед Зеппелин», но он сразу сказал, что совершенно не музыкален и даже не претендует на какое-либо мнение по поводу услышанного. Однако на следующий день он принёс пластинку Окуджавы и пластинку с музыкальной сказкой «Алиса в Стране чудес», песенную часть которой сделал Владимир Высоцкий. Эта пластинка стала для меня большим впечатлением и открытием. Я не мог ей сопротивляться, поскольку она была вне жанров и категорий. Это было просто какое-то чудо. А вот Окуджава самым странным образом как будто не понравился, но тут же запомнился наизусть, причём после первого прослушивания.

Я очень скучал по родителям, но, когда прошло десять дней моей совместной жизни с В. А., я вдруг понял, что такого общения у меня никогда в жизни не было и я не хочу, чтобы оно заканчивалось. Каждый вечер что-то происходило, и это были именно открытия и события! В. А. пересказал мне «Преступление и наказание» Достоевского как детектив. И я немедленно захотел прочитать эту книгу, но не стал этого делать из юношеского упрямства и как бы не желая поддаваться. Я чувствовал, что меня уже тошнит от Шекли, мутит от занудного и примитивного Брэдбери, а Азимов так запутан, что распутывать его не хочется. Но я не мог... Поймите, мне было четырнадцать, я не мог так быстро сдать! Я думаю, В. А. это понимал. И в один из вечеров он прочёл мне вслух добрую половину повести Достоевского «Неточка Незванова». Вторую половину я дочитал сам. Тогда-то со мной и случилось первое мощнейшее литературное впечатление. И тогда же я поверил странному сутулому человеку из Ленинграда, который увлечённее и азартнее всего занимался своей неведомой мне наукой. Своей физикой. А точнее, чем-то, связанным с лазером. Но который так любил большую литературу и некую истину, в которую беззаветно верил. А ещё со мной впервые говорили не как с мальчиком, который проявляет резвость ума и несвойственные его возрасту познания, но как с человеком, который просто чего-то пока не знает и в чём-то, скорее всего, ошибается, и мне очень-очень хотят помочь что-то понять и разобраться, потому что собеседнику это важно. То есть я важен.

Мы много беседовали, много смеялись, много времени провели в очень концентрированном общении. Я забывал про уроки, а В. А. мне про них не напоминал. Не думаю, что он забывал про них, он просто полагал, что наши беседы важнее. Как же он был прав!

8 января

Ещё мы много говорили о кино. В. А. рассказывал, что в Ленинграде есть кинотеатр Госфильмофонда, где показывают фильмы разных лет, а также в нем можно посмотреть зарубежные фильмы – участники Московского кинофестиваля за многие годы. Но и не только фестивальные фильмы. В том кинотеатре можно посмотреть и самую разнообразную иностранную киноклассику. Кинотеатр назывался «Кинематограф», и каждый день в нём шли разные картины. Подобный кинотеатр есть и в Москве, сообщил В. А., он называется «Иллюзион». А больше такое кино посмотреть просто нигде.

В. А. рассказывал, что репертуар этих кинотеатров появлялся за месяц вперёд и можно было купить абонемент, но на каждый день шедевров и даже просто хороших фильмов не набиралось. Часто шли какие-нибудь весьма посредственные картины с изобличающим капитализм содержанием. На шедевры и свежие фильмы больших мастеров попасть было сложно, и приходилось выстаивать очереди или беспокоиться о билетах сильно заранее. Я слушал его рассказы и представлял себе те кинотеатры, то общество, которое там собиралось, особую атмосферу, некую особую общность людей, любящих настоящее и столь недоступное мне кино. Вот только самого кино я представить себе не мог. Но жажда увидеть его во мне зародилась и стала расти. А главное – я узнал о том, что другое кино существует.

За время отсутствия родителей ко мне и к ним накопился у учителей и завуча целый ряд вопросов. Но за те три недели я приобрёл совершенно другие интересы. Я с удивлением узнал от В. А., что даже в школьной программе по литературе много замечательных произведений, а главное – прекрасных имён. Просто эти имена и произведения предложены нам для изучения не в том возрасте и не в тех обстоятельствах. Ещё я узнал, что философия – это не что-то совершенно от меня отдельное, а наоборот, философские тексты могут быть мне понятны и даже интересны. В. А. говорил мне о науке как об интереснейшем и азартнейшем деле, увлекательнее которого он не знал и вряд ли узнает. Я познакомился с человеком, которому интересно блуждать в собственном сознании и получать радость в нахождении новых и новых путей в нём. С В. А. мне довелось участвовать в споре, в котором я пытался жарко отстаивать что-то и впервые был доволен тем, что спор проиграл, а то, что я отстаивал, не стоило моего внимания и горячности.

Родители отсутствовали три недели. А я за это время пережил несколько эпох, открытий и переосмыслений...

Родители вернулись. Они привезли много-много всего, и мне всё было интересно, их рассказы и впечатления. Они привезли первые в моей жизни кроссовки, а ещё – вельветовые джинсы и светло-коричневые замшевые сапоги на очень модной литой подошве... В. А. вернулся в своё общежитие, и первые дней пять после возвращения родителей я даже не заметил нашего расставания. А потом ощутил пустоту и ясное осознание того, что такого собеседника, такого старшего товарища у меня прежде никогда не было и столь концентрированного нашего общения уже больше не будет. Мы, конечно, будем встречаться, но скорее маленькой или большой компанией, за столом, да и то не чаще раза в неделю. Можно, конечно, поднакопить вопросов и договориться о встрече, но это будет уже не то. Я это понял и здорово приуныл. И тут обнаружил на своём письменном столе несколько листочков. Один двойной листочек, исписанный красной ручкой, выдернутый, видимо, из моей тетради в клетку, и два маленьких листочка из рабочего блокнота В. А., исписанных синей ручкой. Это были те самые листки, которые я на днях обнаружил вложенными в книгу. Тридцать лет назад мне подарил их на день рождения мой первый в жизни старший товарищ В. А. Вот что было написано синей ручкой:

Цель научной фантастики – выяснить неисследованные возможности человеческой психики за счёт привлечения различных нереальных ситуаций, которые писатели-фантасты стараются по возможности рационально объяснить и связать с научными фактами.

Многие другие жанры литературы связаны с изучением прошлого и настоящего (событий, людей) в реальных условиях. Естественно, что всякое предсказание предполагает знание этого прошлого и настоящего, то есть научная фантастика вынуждена опираться на эту прочую литературу, так как без этого она не сможет говорить о сколько-нибудь серьёзных вещах.

Собираясь предсказывать новое в характерах, этот жанр себя сильно ограничивает. Героем произведений научной фантастики становится человек, как правило вырванный из своей национальной среды и который, по сути, является представителем человека вообще,

то есть в значительной мере абстрактным человеком. Его история, прошлое также обычно тёмно (особенно если он действует через века от нас) и связано с происходящим по этой причине весьма косвенно. И стало быть, национальный материал, история оказываются практически в забвении. А это главное, что человечество имеет на сегодня. Ведь недаром говорится, что человек редко думает и делает новое. В основном всё уже было, и теперь мы только повторяем это прошедшее... (часто и не подозревая об этом).

В отличие от научной фантастики ненаучная фантастика (или, по-моему, просто фантазия) имеет существенно меньше ограничений и больше возможностей. Во-первых, она и не пытается объяснить, как чудо связано с наукой. Даже напротив, её чудеса, как правило, никак не реализуются. Этот жанр намерено вводит только одно чудо, как бы забывая, что ему обязательно будут сопутствовать другие, если следовать логике. Но он ставит задачу выяснить в чистом виде, как человек поведёт себя в условиях первого чуда. К фантазиям такого рода относятся, например: ряд пьес Аристофана, «Метаморфозы» Апулея, «Портрет» Гоголя, «Штосс» Лермонтова, «Шагреневая кожа» Бальзака, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Русские ночи» В. Одоевского, Б. Шоу «Назад к Мафусаилу», «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, «Маленький принц» А. Экзюпери, «Процесс» и «Превращение» Ф. Кафки, «Альтист Данилов» (Новый мир, 1980, № 1, 2, 3 или около этого) В. Орлова, сказки, легенды, мифы всех времён и народов. Все эти вещи ставят человека в нереальные условия, но тем не менее оставляют его на Земле, в своей стране (да, забыл ещё назвать «Пер Гюнта» Ибсена и «Фауста» Гёте).

Это было первое серьёзное послание, обращённое ко мне. Я получил его незадолго до своего пятнадцатилетия. В скором времени я прочту многие из рекомендованных мне текстов. Второй частью послания, написанного красной ручкой, был просто список кинофильмов, которые В. А. предлагал, а на самом деле попросту хотел, чтобы я посмотрел. Вот он:

Грузия: «Древо желания», «Мольба» Т. Абуладзе. «Жил певчий дрозд», «Пастораль», «Листопад» О. Иоселиани, «Пиромани», «Необыкновенная выставка», Шенгелая. Грузинская хроника XIX века. «Алавердоба», «Отец солдата», «Мелодии Верийского квартала», «Не горюй», «Чудаки», «Мачеха Саманишвили».

Италия: «Рим – открытый город», «Счастливая жизнь», «Пемза», «Рокко и его братья», «Масленники», «Дорога», «Ночи Кабири», «Похитители велосипедов», «Крыша», «Рим, 11 часов», «Джюльетта и духи», «Белые ночи», «Аккатоне», «Затмение», «Приключение», «Профессия – репортёр», «Мы так любили друг друга», «8 1/2», «Амаркорд», «Маманькины сынки», «Дилиджер мёртв», «Дерево для деревянных башмаков», «Репетиция оркестра».

Польша: «Пепел и алмаз», «Всё на продажу», «Пейзаж после битвы», «Канал», «Барышни из Вилько» (всё А. Вайда), «Дирижёр».

Швеция: И. Бергман «Земляничная поляна», «Портовый город».

Япония: А. Курасава «Под стук трамвайных колёс», «Расёмон», «Красная борода».

США: «Гражданин Кейн», «Скованные одной цепью».

Франция: «Старая дева», «Мужчина и женщина», «Под крышами Парижа», «Орфей», «Завещание Орфея», «Поэт и кровь».

Венгрия: «Венгры», «Красный псалом».

Россия + республики: «Зеркало», «Андрей Рублёв», «Иваново детство», «Сталкер» Тарковский. Г. Панфилов «Начало», «В огне брода нет». «Старшая сестра», «Летят журавли», «Дон Кихот», «Король Лир», «Идиот», «Братья Карамазовы», «Игрок». «Июльский дождь», «Мне двадцать лет» М. Хуциев. «Броненосец Потёмкин», «Да здравствует Мексика!» Эйзенштейн. «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Раба любви», «Подранки», «Печки-лавочки», «Живёт такой парень», «Ваши сын и брат», «Гадание на ромашке», «Не болит голова у дятла», «Сто дней после детства», «Голубой портрет», «Белый пароход», «Человек уходит за птицами», «Ранние журавли», «Звонят, откройте дверь», «Внимание, черепаха!», «Айболит-66», «Доживём до понедельника», «Здравствуй, это я!», «Король-олень», «Горькая ягода», «Ирония судьбы», «Странные взрослые», «Утренний поезд», «В четверг и большие никогда», «Ты и я», «Восхождение», «Они сражались за Родину».

Я прочитал тогда этот список, несколько фильмов из него я видел, но не знал, что это шедевры. Большинство названий, особенно зарубежных фильмов, завораживали, но было понятно, что вряд ли мне из Кемерово удастся попасть в кинотеатры «Кинематограф» или «Иллюзион», а в Кемерово такого кинотеатра не откроют никогда.

На пятнадцатилетие мне В. А. подарил книгу о советских художниках кино. Я её тогда полистал, но меня она не особенно заинтересовала, потому что содержала информацию о незнакомых мне фильмах. Видимо, тогда же я и положил эти листки в неё. И вот сейчас я вновь получил эти письма, но это уже письма не только от В. А., но и от меня четырнадцати-пятнадцатилетнего. На удивление до сих пор актуальный список! Большинство из них я посмотрел. Мог бы повторить его и от себя почти полностью, существенно пополнив кинособытиями, которые произошли с 1982 года. Как мне повезло с тем, что из Ленинграда тогда отправляли по распределению молодых кандидатов наук для поддержания провинциальной высшей школы. Чёрт возьми! Заглядываю в прошлое и понимаю, что я вообще везучий человек!

Мы ещё много общались с В. А. Но, отработав свои три года в Кемерово, он вернулся в Ленинград. От него приходили письма. Писал он не лично мне, а всем нам. Мы знали, что он с большим трудом купил маленькую часть дома, не в Ленинграде, а во Всеволожске и на работу ему приходится ехать долго на электричке. Но письма были счастливые, потому что В. А. был в своём любимом Ленинграде и снова был занят наукой. Эти письма будоражили и волновали меня. Будоражили тем, что сообщали о том огромном неведомом, страшно интересном, да и просто страшно далёком мире, который неизвестно, откроется мне или нет. Перед поступлением в университет я ездил к В. А. Он уже жил в самом Ленинграде в маленькой однокомнатной квартире на первом этаже. Даже для однокомнатной квартиры в ней было мало мебели. К моему приезду В. А. приготовил свою фирменную курицу. Мы снова много говорили, и он сводил меня в маленький, со скрипучим полом, кинотеатр «Кинематограф». Посмотрели какой-то дурацкий греческий чёрно-белый фильм...

Потом была служба, много разных переживаний, прошли годы... А потом я приехал в Санкт-Петербург на гастроли. Я пригласил В. А. на спектакль. Он пришёл с женой. Когда повстречались, оба мы волновались. Выпили пива. Я понял, что В. А. очень рад за меня, но что ему не особенно интересны мои сценические произведения. Я не стал его об этом расспрашивать, а он не стал говорить. На сегодняшний день я не знаю, читал ли он мои книги. И если читал, то что об этом думает. Я, конечно же, хотел бы, чтобы он был в восторге от моих спектаклей и книг. Но этого не случилось. Мы встретились тогда, когда встретились, и В. А. был интересен тот мальчик, для которого он очень много сделал. А тот мальчик и я сегодняшний ему бесконечно благодарны. Было и закончилось.

И как тогда мы вовремя встретились, так и эти листочки очень вовремя выпали из книжки. Мне снова повезло.

9 января

Заканчивается праздничное затишье. Возвращаются люди, приходят в себя сильно подорвавшие здоровье и бюджет те, кто никуда не уезжал, а впал в беспамятство прямо на дому. Завтра вновь зашумят улицы, заполнятся местным населением, и страна потихонечку начнёт возвращаться к повседневности. А в Калининграде по-прежнему затянувшаяся осень вместе с сильно поспешившей весной. Всё дожди и ветерки, туманы и зелёные газоны. Мне очень нравится.

Хочу продолжать мемуары. И понимаю, что именно в эти дни такое желание появилось у меня не случайно. После сумасшедшего, пульсирующего политическими всплесками, демагогией и ложью властей, а также первыми проблесками просыпающегося гражданского сознания и воли декабря пришли суетливые предпраздничные дни, а потом полупьяное или похмельное забытьё, брызжущее пошлостью со всех телеканалов. В этом году с телеэкранов нам в дома вываливался уж совсем мерзкий винегрет, который приготовили из давно протухших продуктов.

А так хочется обрести даже не успокоение, но какое-то бесспорное содержание. Я понял, что нет ничего лучше, чем обратиться к эпизодам, страницам, лицам и впечатлениям былых лет. Заглянуть в прошлое и обрадоваться тому, что жизнь содержательна, значительна, не бессмысленна и много замечательного прожито, что в жизни были прекрасные люди и даже есть чем гордиться.

В процессе воспоминаний и написании мемуаров важнее даже не сами воспоминания, а причина, по которой вдруг возникла необходимость обратиться к прошлому и какие именно эпизоды приходят на ум сегодня и сейчас.

Я продолжаю разбирать перевезённые коробки, сумки и, с позволения сказать, архивы. Книги уже рассортированы. CD и DVD ждут своего часа. Но с ними будет проще, поскольку с ними больших и давних воспоминаний не связано. Набралось коробки три видеокассет. Многие довольно давние, а есть даже древние, датированные 1989–1990 годами. Думаю, на них уже всё размагнитилось. Однако это невозможно проверить, потому что в доме не осталось ни одного видеомэгнитофона. На этих кассетах неповторимые изображения и неподражаемые голоса переводчиков. В этих изображениях и голосах было что-то наркотическое, заставлявшее нас ежедневно ходить в видеопрокат и брать всё подряд, но только чтобы увидеть эти размытые лица и услышать эти неповторимые интонации. Что делать с этими кассетами? Только выбрасывать...

А в одной коробке нашёл авиабилеты, квитанции, чеки из гостиниц, железнодорожные билеты – всё иностранные, 1999–2002 годов. Тогда я очень много ездил по европейским театральным фестивалям, читал лекции в европейских университетах и на семинарах. Тогда меня всё это страшно радовало, и я старался сохранить на память даже счета из кафе. Среди всех этих бумажек попала программа моих гастролей в Лондоне летом 2000 года. Я тогда сыграл довольно много раз в театре «Гейт» на Ноттинг-Хилл. Играл я спектакль «ОдноврЕмЕнно», разумеется, с переводом на английский. А по окончании гастролей задержался в Лондоне, чтобы посетить военно-морские музеи и архивы. Тогда я уже всю работу над спектаклем «Дредноуты», точнее, над окончательным его вариантом.

Поселили меня организаторы гастролей не в гостинице, а со свойственной британцам бережливостью на квартире. Как выяснилось позже, это была квартира матери одной из администраторов театра. Квартира сама по себе была хорошая, большая и светлая. Находилась она в огромном доме на Мейда-Вейл. Те, кому любопытно, могут легко его найти. Этот дом носит своё собственное имя «Клайв корт». Однако в этой большой квартире пожилая хозяйка выде-

лила мне крошечную тёмную комнату с малюсеньким окном, находившимся под потолком, да к тому же над окном козырьком громоздился балкон верхней квартиры. То есть солнечный свет в эту каморку не попадал. Третью комнату занимал здоровенный тяжёлый шкаф, состоящий из двух отделений, одно из которых было заперто, другим мог пользоваться я. Пять моих рубашек, двое брюк и какое-то исподнее заняли десятую часть пространства этого отделения. Кровать была придвинута к стене под окном. Даже для меня, небольшого по размеру человека, она была узкая, короткая и какая-то комковатая. Ещё в комнате был крошечный секретер, работать за которым можно было только сидя на кровати, стул уже не помещался. До туалета нужно было идти длинным коридором, мимо просторной кухни и пары светлых помещений, которые пустовали.

Но я был в Лондоне! Я так мечтал об этом, что рад был этой маленькой комнате и даже нашёл в её размерах и обстановке что-то диккенсовское и абсолютно литературное.

Но главным и самым интересным в этом доме, на этой улице и в этой квартире была хозяйка квартиры по имени Лори. Фамилии я называть не буду. Мой рассказ о ней. И если бы рассказ был для книги, а не для этого дневника, я озаглавил бы его, например, «Настоящая леди», или «Встреча с настоящей леди», или каким-нибудь подобным образом. Да! Это история о том, как я впервые в жизни встретил, общался и в итоге осознал, что встретился и общался с настоящей леди.

Когда мне сказали, что я буду жить не в гостинице, я расстроился: в гостинице удобнее, проще и не надо ни с кем общаться. С хозяйкой же квартиры предполагалось какое-то общение, и я боялся, что оно испортит мне первое впечатление от гастролей и пребывания в столь заранее мной любимом Лондоне. Ещё я беспокоился за свой нетренированный английский.

Когда меня привезли на Мейда-Вейл к Клайв корту, когда дверь мне открыл консьерж-индус, когда мы поднялись по помпезной лестнице к лифту, а потом на старинном лифте на нужный этаж, я плюс ко всему ещё и оробел. Меня сопровождал какой-то человек из театра, встретивший меня в аэропорту. Он постучал, хозяйка не открыла, а только что-то крикнула, явно издали, означаящее, что дверь не заперта. Дверь действительно была не заперта, и я впервые шагнул в настоящее британское жилище, с мраморным полом в прихожей и огромным старинным зеркалом напротив входа. В зеркале я увидел самого себя с большими, чем обычно, глазами. Хозяйка квартиры сидела в гостиной на диване. Сидела к нам спиной, возвышаясь над спинкой довольно широкими плечами, длинной шеей и узкой головой с собранными в узел рыжими волосами. Она не шелохнулась, когда мы зашли. В контровом свете, который бил мне в глаза из окон, выглядела хозяйка весьма монументально. А вела себя так, как я и представлял себе английское поведение. Вот только уши хозяйки были весьма оттопырены.

10 января

Как только встретивший меня в аэропорту человек удалился и за ним захлопнулась дверь, хозяйка дома встала с дивана и оказалась не очень высокого роста дамой с прямой и совершенно лишённой талии фигурой. Одета она была в светло-коричневое трикотажное платье с тонким пояском в том месте, где должна быть талия. Она медленно развернулась, я на миг увидел профиль с острым, большим носом, острым подбородком, увидел идеальную осанку и выдающийся острый бюст. Дама повернулась в мою сторону, вышла из-за дивана, сделала пять-шесть шагов в мою сторону, и только тогда я увидел, что она, скорее всего, дама немолодая. В свои тридцать три года я подумал, что ей хорошо за шестьдесят. Она приблизилась, протянула сухую руку с очень длинными пальцами, я тут же в ответ протянул свою, она быстро схватила её, коротко тряхнула и сказала: «Лори».

Я чуть было не сказал: «Женя», – но вспомнил, какую трудность всегда вызывало у европейцев произнесение этого имени. «Евгений» было для них ещё более трудным. Я вспом-

нил немецкий вариант – «Ойген», потом французский – «Ожен» и довольно робко сказал: «Юджин». Лори приподняла бровь, слегка улыбнулась и жестом пригласила меня к дивану.

Потом она расскажет мне, что очень волновалась, узнав, что у неё будет жить русский. У неё были свои весьма забавные и типичные представления о русских. Фильмов Гая Ричи тогда не было. Но Борис из его фильма весьма точно воспроизводит представление Лори о наших соотечественниках. И это несмотря на то, что она знала, что я театральный артист и литератор. Она мне рассказывала, как пыталась узнать, как живут, что едят и как предпочитают проводить время русские. Мы очень смеялись. Но тогда я этого не знал. И передо мной была на первый взгляд очень строгая и самая настоящая пожилая англичанка.

Она предложила мне сесть, я сел, она села напротив. Зависла минутная пауза. Я эту паузу не выдержал и, чтобы хоть что-то сделать и нарушить тишину, откашлялся. Она тут же спросила меня, как я долетел, я, конечно, сказал, что долетел очень хорошо. Тогда она предложила мне решить, что я хочу выпить. Я подумал и попросил чаю. Она спросила:

– С молоком?

Я, не задумываясь, кивнул. Её бровь снова приподнялась, неподвижное выражение лица вдруг стало таким, к какому я вскоре привыкну. Она хрипло засмеялась и сказала:

– Интересно, кто из нас англичанин? Я никогда не пью эту дрянь, – и пошла на кухню.

Я остался сидеть на диване и начал вертеть головой. Я разглядывал картины, какие-то гравюры, висевшие по стенам. Но их было совсем немного. Мебели в гостиной вообще было мало. На прекрасном паркете лежали ковры, каких я прежде в домах не видел. За время сибирского детства и юности я привык к коврам, висящим на стенах. А тут мои ноги стояли на ковре... Я тогда совсем в них не разбирался, но сразу понял, что ковёр прекрасный и настоящий. Вот только диваны, на которых сидели я и Лори, совершенно не вязались с интерьером. Они были ярко-синими, что называется, «вырви глаз», и по этой синеве шла золотая вышивка головы Медузы горгоны. Я тогда ещё не знал, что Версаче ещё и делает мебель...

Через пару минут Лори вернулась с оловянным подносом в руках. На подносе стояла красивая классическая чашка, чайник, молочник и бокал толстого стекла с чем-то тёмно-красным. Она поставила всё это на маленький столик, стоявший между диванами. Руки её заметно дрожали. Поставив принесённое на стол, она взяла бокал и сделала глоток. Из этого я понял, что чай мне придётся наливать самому.

Я наклонился, взял молочник, налил немного молока в чашку, потом взял чайник и медленно долил в чашку довольно тёмного чая. Лори внимательно следила за моими действиями и, когда я это сделал, прищурилась, достала откуда-то пачку длинных сигарет, щёлкнула зажигалкой и, почти прикурив, опомнившись, спросила меня, может ли она закурить, но спросила таким тоном, что отрицательный ответ невозможно было себе даже вообразить. Я кивнул, заулыбался, Лори прикурила, затянулась, выпустила дым и, ещё сильнее прищурившись, спросила:

– А что, в России всегда наливают молоко и чай в такой последовательности?

Я хотел ответить, что читал о том, что англичане наливают сначала молоко и только потом чай, что молоко поднимается вверх, смешивается с чаем естественным образом и чай можно не размешивать, а такая последовательность, как утверждалось в первоисточнике, сообщает чаю неповторимый вкус. Но я так не ответил. Я просто сказал:

– Да, именно так.

Лори снова усмехнулась и сделала глоток из своего бокала. Впоследствии я узнал, что это херес. Дома Лори пила только херес. В кафе или пабе она могла выпить чего угодно. Но дома она пила херес.

Некоторое время мы сидели молча. Я понемногу отпивал чай, понимая, что, если я его допью, делать мне будет вообще нечего. Лори же курила и смотрела куда-то вбок. Потом затушила сигарету, встала, подошла к небольшому книжному шкафу, достала из него три огром-

ные книги, полистала одну, потом другую. Вдруг радостно сказала: «О! Это здесь!» – подошла и протянула книгу мне. В руках у меня оказался второй том здорового Географического атласа мира. Лори села напротив, пристально на меня уставилась и попросила, чтобы я показал ей то место и тот город, откуда прибыл.

Тогда я уже жил в Калининграде, правда, в Лондон летел из Москвы. Но, открыв большую раскладку с картой ещё СССР, я подумал и указал практически в середину гигантской страны. Я показал город Кемерово. Родной свой город. Лори очень внимательно и долго смотрела, потом сходила за очками и стала смотреть ещё внимательнее. Потом оторвалась от карты и спросила:

– Сколько это миль отсюда?

В милях мне было трудно посчитать, но я прикинул и сказал, что больше шести тысяч километров. Лори присвистнула, развела руками и спросила:

– Это что, Сибирь?

Я сказал:

– Да. Сибирь. Но у нас эту часть страны называют Западная Сибирь.

– И что ты там делал? – спросила она.

– Я там родился, – сказал я. – Но мои родители, а также бабушка и дедушка тоже жили в Сибири.

Она вновь на меня уставилась и коротко спросила:

– За что?

11 января

Не могу припомнить, как я ответил Лори на её вопрос, но вскоре наша первая встреча и моё первое лондонское чаепитие закончились. Лори неожиданно сказала:

– Вообще-то я редко принимаю постояльцев. После определённых событий я предпочитаю жить одна. Совсем одна. Последний постоялец у меня был три года назад. Это он подарил мне эти диваны. Очень симпатичный человек. Гей. Работал на телевидении. У него был только один недостаток – он хотел много разговаривать, а я этого не люблю. По этой причине он часто здесь плакал. Он купил эти диваны и этот ковёр, чтобы ему было чем любоваться. Мы неплохо ладили. Но потом он неожиданно стал очень счастливым, потому что повстречал долгожданного друга. Я была категорически против, чтобы он его сюда водил и уж тем более здесь с ним жил. Ему пришлось уйти. Он забрал свои книги, пластинки и одежду. Ковёр и диваны остались. Видимо, ему было на что полюбоваться. С тех пор мы не виделись. А теперь, Юджин, я покажу тебе кухню и твою комнату.

Она мне показала большую, светлую кухню, в которой не чувствовалось никакого запаха еды и как-то было ясно, что здесь давно ничего не готовят. Потом сопроводила меня в мою каморку и, увидев моё изумлённое выражение лица при виде малюсенькой тёмной комнатки, чуть приподняв подбородок, сказала:

– Добро пожаловать в Лондон! В этом прекрасном городе нечего сидеть дома. Здесь можно найти занятие поинтереснее, чем разговаривать с одинокой злобной старухой. Да, и в Лондоне можно выпить чего-нибудь получше чая с молоком. Вот тебе ключ, и будь как можно самостоятельнее.

С этими словами она развернулась и ушла в свои чертоги, в которых я никогда не побывал.

В течение тех почти трёх недель, которые я у неё прожил, мы общались с Лори не каждый день. И даже не каждый день виделись. Я просыпался не очень рано, к этому времени её уже дома не было. Куда она уходила, не знаю. Она точно нигде не работала. Дома она не ела и не пила ничего, кроме хереса. Даже кофе и воду, кажется, она пила в небольшом кафе

неподалёку от дома. Для меня она покупала чай и молоко. Ещё она поставила на кухонный стол вазочку с сильно засохшим изюмом и пачку печенья, из которой я съел лишь одно. Оно было солоноватым и сильно крошилось. Когда я возвращался ночью после спектаклей, Лори, как правило, уже спала.

Несколько раз я оставался дома часов до пяти вечера. Читал необходимую, привезённую с собой литературу и разбирал отсканованные в архивах документы для спектакля «Дредноуты». В эти дни неизвестно в какую рань ушедшая Лори возвращалась домой после одиннадцати, а в полдень к ней приходил плотник. Всегда один и тот же. Долговязый, рыжий с сединой дядька, лет семидесяти пяти, звали его Мюррей. Это был медленный, худой, скрипучий каждым суставом, большерукий лентяй. Первым делом он закуривал у окна сигарету. Курили они вместе с Лори и что-то обсуждали. Потом он шёл ремонтировать дверь в ту часть квартиры, где обитала Лори, и только она. Он всегда ремонтировал только эту дверь. Дверь после него то закрывалась слишком туго и наперекосяк, что не устраивало хозяйку, то после его следующего визита дверь болталась и не закрывалась плотно, хлопая от сквозняков. Лори это также не устраивало, и она снова вызывала Мюррея. Не знаю, приходил ли он, когда я отсутствовал днём. Но у меня создалось ощущение, что он приходил каждый день, кроме выходных.

В то время когда Мюррей, бормоча и насвистывая какой-то мотивчик, медленно ковылял с дверью, меняя на длинном носу очки и громыхая инструментами в своём чемоданчике, Лори заходила в мою каморку и громким, заговорщицким шёпотом говорила, взглядом указывая в направлении Мюррея:

– Эти английские мужчины ничего не умеют делать руками. Они умеют только рассуждать.

В один из дней я купил себе первые в своей жизни настоящие английские ботинки ручной работы. Купил их на свой гонорар и был страшно этим доволен. Они стояли возле моей кровати, я сидел за секретером, писал и периодически на них поглядывал. Я любовался. А в это время пришёл Мюррей, и Лори зашла ко мне и опять сообщила, что английские мужчины ничего не умеют делать. Я тогда впервые ей возразил. Я показал на эти ботинки и сказал, что английская обувь славится давно и является эталоном обуви. Лори трагически улыбнулась, посмотрела на меня так, как взрослые смотрят на детей, и печально сказала:

– Всё хорошее, что делается руками на этих несчастных островах, это – индусы, всё – индусы.

Как я уже говорил, играл я в театре, который находился на Ноттинг-хилле. Это скорее на юге. А Мейда-Вейл находится скорее на севере. Спектакли начинались в восемь вечера, заканчивались в десять. Часа полтора потом я проводил в пабе и в полночь отправлялся «домой». Мне нравился этот маршрут. Он занимал у меня около часа, а если я пытался поэкспериментировать, то и больше. Приходил я на Мейда-Вейл во втором часу, тихонечко проходил в свою каморку, немного читал или, если выпитое не выветривалось за время прогулки, засыпал, не читая. Лори было не видно и не слышно.

После третьего моего спектакля я вернулся домой в половине второго ночи, изрядно выпившим и счастливым. За день до этого вышла «Дейли телеграф», где мой спектакль был назван событием и критики поставили ему пять звёзд. Кировский балет в той же газете удостоился только трёх. После выхода газеты все билеты на мои спектакли были раскуплены. То есть повод выпить был. Я по привычке как можно тише открыл дверь, вошёл и увидел, что в гостиной горит свет и Лори сидит на диване, но не спиной ко входу, а лицом.

– Юджин заставляет себя ждать. Что думает известный актёр о рюмке хереса в столь поздний час?

Когда подошёл к ней, я увидел на столике бутылку, два бокала и газету «Дейли телеграф». Бутылка была выпита больше чем наполовину. Она щедро налила мне и себе, закурила и сказала:

– Технический администратор театра, в котором ты работаешь, моя младшая дочь Сара. Не сомневаюсь, что она может найти для меня билет на твой спектакль. Но я привыкла, что в театр меня приглашают. Я доверяю оценкам «Дейли телеграф» и буду ждать приглашения. – Она в три глотка осушила свой бокал и нетвёрдой походкой удалилась, уже издали сказав: – Спокойной ночи! И выключи свет, когда закончишь.

Лори посмотрела мой спектакль через пару дней. После его окончания она подошла ко мне, строгая, но нарядная, даже с накрашенными тёмно-бордовыми губами. Я видел, что она взволнованна и не знает, как начать говорить. Без лишних слов она крепко пожала мне руку и сказала, что приглашает в субботу на ужин. Ресторан она выберет сама.

Это был весьма странный ужин. Лори пригласила меня в индийский ресторан, а я тогда ничего не понимал в индийской еде, да и сейчас я в ней не особенно разбираюсь. Свой выбор она объяснила тем, что английской еды не существует как таковой, потому что английские мужчины научились только пить, а к еде они относятся так же, как к женщинам. То есть безразлично. Перед ужином Лори куда-то сходила или съездила, сделала себе причёску и оделась в костюм тёмно-бордового цвета. Под пиджаком была ярко-синяя шёлковая блузка. Синяя, «вырви глаз», с маленькими головами Медузы горгоны на золотых пуговках.

– Подарок, – сказала она, и подмигнула.

Такой нарядной я её ни до, ни после не видел. Она заехала за мной в условленное место на кэбе. Помимо запаха духов, от неё уже немножко пахло алкоголем и сигаретами. Всю дорогу до ресторана она разговаривала с индусом таксистом, разговаривала любезно и, видимо, остроумно, потому что кэбмен постоянно хохотал и бил рукой по рулю. Но я не мог понять, что говорит Лори, потому что говорила она быстро и как-то очень по-лондонски. Когда мы доехали до места, она вышла из такси первой, потом дождалась меня и решительно ухватила меня под руку.

– В ресторане нас ждёт моя старинная подруга, она приехала из Суррея, – сказала Лори медленно, специально для меня. – Она очень хорошая. Завтра она идёт на твой спектакль. Я уже купила ей билет. Не так уж часто удаётся похвастать перед подругой парнем, про которого пишет «Дейли телеграф».

12 января

В тот день у меня был выходной. Я не запланировал никаких встреч и перед самим собой не брал никаких обязательств что-то написать или прочесть. Я отправился на ужин с Лори с лёгким сердцем, ожидая чего-то особенного.

Ресторанчик, в который она меня пригласила, оказался совсем небольшим. В нём сильно пахло специями, народу было немного, интерьер мне показался совсем небогатым, но Лори там были рады. И худенький, маленький, совсем чёрненький индус, который открывал дверь, и толстый индийский дядька в строгом костюме, но с кудрявой бородой и в тюрбане, видимо управляющий или администратор. Он раскланялся, покачал из стороны в сторону головой и оскалил большие белые зубы.

Когда мы вошли, Лори скинула с плеч тонкий шерстяной платок, который был на них наброшен, и закутала им руки, которые часто дрожали. Она этого очень стеснялась. А иногда у неё заметно подрагивала голова. Однако, когда она выпивала, подрагивание и дрожание пропадали.

Мы подошли к столику, за которым сидела дама, на вид младше Лори, однако в очевидном тёмно-русом парике и с чем-то меховым, наброшенным на плечи. Дама быстро оглядела меня и поднялась навстречу Лори для радостных объятий. Она оказалась чуть выше моей домохозяйки, тоже с абсолютно прямой спиной, широкими плечами, тоже с большим бюстом, но, в отличие от Лори, с формами и в остальных местах.

Мне уделили совсем немного внимания. Две подружки зацепились языками, и я был уже практически не нужен. Судя по отдельным фразам и по упоминанию России, Сибири, театра и имени Юджин, Лори всё рассказала обо мне своей подружке, которая представилась Джейн. Та периодически восхищенно переспрашивала: «Оу! Риали?!» – и посматривала на меня. Говорили они так быстро, что я ничего не мог разобрать. Они сразу же заказали себе выпить: Джейн попросила джин-тоник, а Лори – виски. Я попросил пива. На что Лори сморщилась и, подмигнув, сказала: «Надеюсь, пиво ты будешь пить без молока?» – и, видимо, сразу же рассказала Джейн про то, как я пью чай, потому что, дослушав её, Джейн засмеялась, посматривая на меня, да и Лори тоже.

Обе дамы заказали себе что-то, даже не заглянув в меню. А для меня это меню было китайской грамотой. Я заказал себе какую-то курицу, потому что слово «чикен» было мне понятно. Только «чикенов» там было много, в разных вариантах. Я ткнул пальцем наугад. Лори поинтересовалась моим выбором, одобрила его, многозначительно кивнув и выпятив нижнюю губу.

Это уже потом Лори рассказала мне, что они с Джейн, будучи детьми дипломатов, ещё в дошкольном возрасте стали ходить в одну балетную школу в Вене, где служили их отцы. Она рассказала, с каким трудом они покидали нацистскую Вену и возвращались в Лондон. Дом её отца когда-то находился в районе Челси. Но, поскольку она родилась в Австрии и всё раннее детство и даже начальную школу прожила не в Лондоне, у неё всегда был и так и остался специфический выговор. А в Челси, сказала она, этого всегда не терпели.

– Это сейчас в Челси селятся все, у кого есть деньги, – пояснила она. – Они могут и вовсе не говорить по-английски. Это уже никого не беспокоит и не раздражает. А раньше от тебя там воротили нос, если ты говорил не так, как исконный житель этого прекрасного района, чёрт бы его побрал! Куда катится старая Англия, будь она неладна?!

С Джейн Лори дружила всю жизнь. По возвращении в Лондон они продолжили занятие балетом. Но у Лори случилась серьёзная травма колена, и балет она покинула, хотя долго продолжала учить маленьких детей азам этого сложнейшего из искусств. Джейн, закончив свою балетную карьеру, уехала в Суррей, где преподаёт балет в хорошей школе по сей день. Лори сказала, что у Джейн было много романов, которые ни к чему, кроме разбитого сердца, не привели. Детей у Джейн не случилось, и поэтому, несмотря на всё остальное, Джейн, по словам Лори, всю жизнь ей завидовала: ведь у Лори две дочери от двух браков.

Курица, которую я заказал, была столь острой и имела столь специфический и резкий вкус, что, если бы не маленькие тонкие лепёшки, которые к ней подали, я не смог бы с ней справиться. Во рту всё горело, меня бросило в пот, и, сколько бы я ни пил пива, потушить пожар во рту не удавалось. А Лори хитро шурилась и улыбалась, глядя, как я, стараясь не показать вида, непрерывно вытираю пот со лба. Подружки практически не притронулись к тому, что им принесли. Они разговаривали, курили и пили. Им было очень весело. А я через какое-то время заскучал. И в тот момент, когда я чуть было не зевнул, Лори вдруг сказала:

– Зачем мы здесь сидим? Пойдёмте перейдём в паб, а то наш мужчина, того и гляди, уснёт. Что, Юджин, нет в Сибири индийской еды? Наверное, эти нежные люди не смогли бы выжить в твоих краях, – сказала она, жестом указав на официантов и управляющего.

Действительно, я с трудом представил себе этих людей, а главное, такую еду в родном Кемерово, Киселёвске, Ленинске-Кузнецком, Яшкино или на железнодорожной станции Тайга.

В пабе, который был совсем недалеко, обе подруги взгромоздились на барные табуреты возле стойки и тут же заказали выпивку. Лори ткнула пальцем в соседний табурет, предлагая мне сесть рядом. Я сел, получил своё пиво, а они продолжили выпивать и разговаривать. Мне стало грустно и даже обидно за свой первый лондонский выходной и за то, что я ожидал чего-то особенного, а ничем особенным даже и не пахло. Так мы просидели довольно долго. Бывшие балерины прилично поддали и выкурили непонятное количество сигарет. Лори шутила, Джейн и толстый, лысый, очень веснушчатый бармен хохотали до слёз, а я сидел и потягивал невкусный водянистый английский эль. Я чувствовал себя чужим в этом огромном непостижимом городе, чужим для этих двух по друг, у которых за плечами долгая и далёкая от меня, малопонятная жизнь, чужим для этого пива и той еды, которую приготовили своими руками люди из далёкой и неведомой страны.

В конце концов Лори вызвала кэб, рассчиталась за выпивку, не позволив мне даже прикоснуться к своим деньгам. Подруги долго выходили из паба, прощаясь с барменом, потом долго о чём-то говорили возле кэба, как бы прощаясь, а потом уселись в него вдвоём и позвали меня присоединиться. Они продолжали разговаривать всю дорогу до того места, куда мы завезли Джейн. Лори вместе с Джейн вышла из машины, и они опять долго говорили и смеялись. В конце концов они обнялись и попрощались. Лори буквально плюхнулась на заднее сиденье, запрокинула голову и выдохнула так, как выдыхают после тяжёлой и напряжённой работы. Потом долгим взглядом посмотрела на меня и сказала:

– Извини, Юджин. Я всё понимаю. Спасибо за терпение.

Какое-то время мы ехали молча. Я уже стал узнавать знакомые места. И вдруг Лори что-то сказала кэбмену, тот кивнул и повернул налево, в узкую улочку.

– Знаешь, Юджин, – сказала Лори, – я хочу показать тебе кое-что, что тебе понравится. Я думаю, что этим тебе вечер и запомнится. Полагаю, такого ты, кроме Лондона, нигде в Европе не увидишь.

Через несколько минут мы подъехали к маленькой площади, точнее, к небольшому скверу, вокруг которого было круговое движение. Кольцо.

Несколько раз днём и вечером я проходил через этот скверик. Он был немного в стороне от моего излюбленного маршрута из театра «домой». Посреди сквера стоял вагончик без колёс, очень похожий на наши строительные бытовки, которые можно увидеть на городских стройплощадках в любой части нашей большой страны. Только этот вагончик, покрашенный светло-серой краской, был очень аккуратный. Из крыши у него торчала чёрная труба. С одного торца в стене было маленькое квадратное окошко, под которым на земле стоял деревянный ящик, видимо, из-под фруктов. А с боковой стороны посередине была дверь с двумя ступеньками. На вагончике нигде ничего не было написано. Окошко и двери днём и вечером были закрыты, и вагончик явно пустовал.

Когда мы подъехали, было уже совсем темно, но сквер был освещён фонарями. На прилегающих улицах и вдоль всего кольца вокруг сквера стояло много кэбов разных фирм и компаний. Двери и окошко вагончика были открыты, из трубы шёл дым. В машинах или возле машин на бордюрах и в скверике на раскладных стульчиках сидело много-много индусов, в тюрбанах и без. Одни стояли, курили и разговаривали, другие сидели, читали газеты, некоторые просто сидели молча. Но все что-то пили из чашек, из которых поднимался парок. Наша машина притормозила, и Лори, почему-то перейдя на шёпот, сказала:

– Здесь они пьют чай. Такого чая ты нигде больше, кроме Индии, не выпьешь. Я там не была, но мне кажется, и там такого не подадут.

Из открытой двери вагончика вырывался тёплый свет, в проёме я увидел двух маленьких чёрненьких индусов в светлых одеждах с закатанными выше локтя рукавами. Они трудились у большого котла, от которого валил пар, вылетающий наружу. Один помешивал что-то в котле большим половником. Когда кто-то подходил к окошку, он зачерпывал из котла порцию и наливал в протянутую чашку.

– Пойдём, – сказала Лори. – Они меня знают, удастся попробовать. Вообще-то здесь пьют чай только водители, и только из Индии и Пакистана.

Мы вышли из машины, прошли несколько шагов, и Лори попросила меня подождать. В сквере и вокруг было так тихо... Все говорили каким-то общим шёпотом. Было ясно, что люди отдыхают, что шуметь или даже быстро двигаться – неправильно. У всех собравшихся были спокойные и от этого осмысленные и почти величественные лица. Лори заглянула в дверь вагончика, ей радостно закивали, она что-то сказала и, не подходя к окошку, через мгновение, получила в руки две дымящиеся чашки. С ними она вернулась ко мне. Я взял горячую чашку двумя руками, вдохнул пар и почувствовал запах имбиря... В чашке была совсем белая жидкость, показавшаяся мне густой.

Первый же глоток произвёл на меня сильное впечатление. Я не ожидал, что чай может быть такого вкуса. Он был сладким, тягучим, пряным, острым и мягким одновременно. В этом вкусе было что-то древнее, настраивающее на спокойное и умиротворённое восприятие мира, и бодряще-пробуждающее одновременно.

– Ну как? – спросила Лори.

– Удивительно, – ответил я.

– Это правильная оценка, – сказала она и усмехнулась. – Допивай и возьми мой. Я знаю, что это вкусно, но я не люблю чай. Сейчас вернёмся домой, и я выпью немного хереса. Допивай, Юджин. Неудобно здесь долго оставаться. Сейчас это их место.

Лори точно испытывала какие-то особые чувства к индусам. В первый же день моего проживания у неё она мне сказала, что консержу непременно надо давать десять-двадцать пенни, когда он открывает дверь. Не важно, пришёл я или ухожу. А консерж всегда опережал меня, всегда мне улыбался и, казалось, совершенно искренне был рад гораздо больше, когда я возвращался, чем когда уходил.

Мы вернулись домой притихшие. Все мои ощущения одиночества и потерянности в этом городе улетучились. Этих усталых таксистов и этот чай я не ощущал чужими, а совсем даже наоборот. Дома Лори принесла к дивану початую бутылку хереса, налила понемногу, мы чокнулись без каких-либо слов, выпили, Лори достала сигарету, поразмыслила и положила её обратно в пачку.

– Спасибо, Юджин. Мы с Джейн встречаемся редко. И если бы не ты, мы бы так не веселились. Обязательно поругались бы. Ты уж завтра постарайся сыграть хорошо. «Дейли телеграф» – это, конечно, замечательно, но Джейн угодить гораздо сложнее. Я хочу, чтобы у неё не было шансов ни для одного упрёка. Постарайся. Мне это важно. А теперь – спать. Тебе нужно выспаться, – сказала она, но увидела, что я продолжаю сидеть. – Я сказала, надо спать, молодой человек! Спокойной ночи. У вас завтра очень ответственный день. К вам завтра на

спектакль идёт старая одинокая сумасшедшая Джейн. Моя подруга, которую я очень люблю. Юджин, иди в постель, а я ещё посижу, – сказала она и достала сигарету.

Я безоговорочно исполнил её приказ.

13 января

Лори покупала мне молоко для чая. В Англии всё имеет какие-то другие, непривычные нам формы, вкус, содержание. Чего стоит только их правостороннее движение! Очень многим предметам я удивлялся. Я уж не говорю про английские меры длины и веса. Молоко, которое покупала Лори, было нормальным молоком. Вот только коробка была ужасно странная. Она была какой-то высокой и узкой. Неудобной. Она не помещалась на полке в холодильнике, была неустойчива и совсем не похожа на коробку молока. Я не особенно много пил чая, тем более с молоком, но чтобы молоко не прокисло, я его выпивал. Выпивал с удовольствием.

И вот в одно утро я проснулся, в квартире было тихо, Лори, как всегда, уже куда-то ушла. Я отправился на кухню поставить кипятиться воду и заглянул в холодильник, который был совершенно пуст и работал только из-за коробки с молоком. Когда я открыл дверцу, с неё на пол закапало молоко. Лори купила утром молоко и для чего-то вскрыла пакет. Вскрывала она его ножницами или ножом и, видимо, трясущимися руками слегка поранила угол пакета чуть ниже середины. Из этого маленького пореза сочилось молоко. Я быстренько нашёл небольшую миску, вымыл её, протёр и поставил пакет молока в неё, чтобы вытекшим молоком всё-таки можно было воспользоваться. Ещё я вымыл и протёр холодильник, стёр молоко с пола. К дверце холодильника я приклеил маленькую записку, в которой написал, мол, Лори, с молоком была проблема, но я её устранил. Ещё я попросил молоко из миски не выливать, так как безо всяких выпью его или добавлю в чай. Вскоре я ушёл из дома, вечером был спектакль, я посидел в пабе и вернулся во втором часу ночи. Лори сидела на своём привычном месте, курила и пила херес.

Как только я вошёл, она пригласила меня подойти, я подошёл, увидел перед Лори на столике пепельницу, в которой было много окурков. Обычная бутылка хереса была ополовинена. Лори явно захмелела. Она поднялась навстречу и сразу же спросила:

– Юджин, что ты хотел сказать этой своей запиской?

Я пожал плечами и развёл руками.

– Это не ответ, – сказала она и самую малость покачнулась. – Уж не хотел ли ты сказать мне, что я небрежно обращаюсь... – тут она задумалась, с чем же именно она небрежно обращается, – ...что я плохо о тебе забочусь и предоставляю плохие условия?

– Господи, Лори! – вырвалось у меня. – Я ничего подобного даже в мыслях не имел! Мне очень у тебя нравится! И я просто проинформировал тебя о том, что произошло.

– Ты мог вылить это молоко и выбросить упаковку, а я купила бы новое. Зачем понадобилось столько сложных действий ради простого молока?

– Ло-о-о-ри! – сказал я и снова развёл руками. – Как же можно выливать молоко?! Если б мои бабушка с дедушкой увидели, как я выливаю молоко в раковину или в туалет, они бы прокляли меня! – сказал я и заулыбался.

Лори отступила на полшага назад, прищурилась и буквально просверлила меня взглядом насквозь. Так она смотрела на меня секунд семь-восемь. А потом шагнула ко мне, приблизила

своё лицо к моему почти вплотную, подняла вверх указательный палец правой руки и потрясла им.

– Гитлер был сумасшедшим, когда напал на Россию! – резко сказала она, развернувшись и ушла восвояси.

Как я уже говорил, обычно, если я возвращался домой далеко за полночь, Лори, скорее всего, спала. Во всяком случае, дверь на её половину была заперта и оттуда не доносилось никаких звуков. Она всего несколько раз дожидалась моего возвращения, много курила в ожидании и всегда к этому времени была уже пьяненькой. Первый случай был после прочтения «Дейли телеграф», второй только что мной описан, а в третий раз она меня дождалась уже ближе к моему отъезду.

Я пришёл совсем поздно. Тогда я познакомился с Ильёй Лагутенко, который снимал в Лондоне довольно скромный домик в районе, где проживало много выходцев из Прибалтийских стран. Он очень интересно показал мне Лондон. Без него бы я многого не узнал и не смог бы сделать нескольких выгодных покупок. Он свозил меня к морю в Брайтон. Ему там очень нравилось, и он мог с блеском показать то, что ему было дорого или хотя бы приятно.

В тот вечер у меня не было спектакля, и я засиделся у Ильи. Лори сидела на диване как-то склонившись и облокотившись на подлокотник. Верхний свет она погасила и сидела при свечах. На ней была нарядная блузка с бантом и длинная узкая юбка. Когда я зашёл, она не поздоровалась, продолжая молча сидеть и водить глазами по сторонам. Я без приглашения подошёл и присел напротив. На столике стояло два бокала. Один был пуст. Сначала я подумал, что кто-то приходил к ней, они посидели и выпили. Но Лори наклонилась, взяла бутылку и налила мне хереса в пустой бокал.

– И всё-таки ты заставляешь себя ждать, – сказала она тихим, лирическим голосом.

– Лори, я не знал, что ты меня ждёшь. Если бы знал, я бы уже давно был дома.

– Об этом надо было догадаться, – сказала она и повела взглядом вверх меня.

Некоторое время мы сидели молча. Вдруг она сморщилась, достала платок, всхлипнула, утёрла слёзы и высморкалась.

– Что-то произошло? Была нужна моя помощь? – спросил я.

– Да, была нужна! – сказала Лори после небольшой паузы. – Мне пришлось одной пойти в кино. Я смотрела фильм «Гладиатор»... – Она сделала длинную паузу. – Какой мужчина! Какой мужчина! Кстати, британский актёр... Даже удивительно! Какой мужчина! Юджин, он совсем некрасивый (она употребила слово «ugly»), он не моего типа, но какой! – И она покачала головой. – Юджин!.. Его убили! – И она заплакала в голос, сильно вздрагивая и громко всхлипывая.

Мы тогда допили с ней бутылку, почти не разговаривали, а она время от времени снова принималась плакать.

За два дня до моего отъезда Лори пригласила меня в музей на её вкус. Мы съездили и осмотрели чайный клипер «Кати Сарк». Она сказала, что давно хотела побывать на этом корабле-музее, но всё не было настоящего повода. Я оказался вполне настоящим. После музея мы немножко погуляли, замёрзли, зашли выпить кофе, но выпили пива, а потом ещё немного бренди, но она вдруг о чём-то вспомнила и куда-то заторопилась.

На самый последний мой спектакль Лори пришла во второй раз, сама купив билет. Её приход был неожиданностью и для её дочери Сары. А после спектакля она ко мне не подошла и потом тоже ничего не сказала.

По всему было видно, что у Лори с Сарой натянутые отношения или даже почти никаких. Спустя дней десять моего пребывания в Лондоне Сара сказала мне в театре, что удивляется тому, как хорошо её мать ко мне относится. По её удивлению я понял, что так Лори мало к кому относилась. И то, что она вообще хорошо к кому-то относится, явно вызывало удивление у её дочери.

В самый последний вечер тех моих гастролей и моего пребывания в квартире Лори в доме на Мейда-Вейл я никуда из дому не ходил. Я собирал и упаковывал купленные подарки и вещи, разбирал бумаги и очень сильно хотел домой, к своим... Мобильного телефона у меня тогда не было. Звонить для меня было дороговато, и я это делал далеко не ежедневно.

В тот день Лори после полудня вновь потребовала от пришедшего Мюррея, чтобы он починил наконец ту дверь, потому что у неё для него было ещё много работы. Часа в четыре она попросила меня по возможности не строить планов на вечер и остаться дома, потому что она хотела угостить меня ужином. Я сказал, что у меня никаких планов нет, а она, в свою очередь, заверила меня, что еда будет не индийская.

Я был заинтригован. Я решил, что Лори хочет что-то сама приготовить. Но представить её что-то стряпающей на кухне или у плиты с поварёшкой в руке я не мог. Мне хотелось это видеть. Про себя я твёрдо решил, что даже если она приготовит змею или жабу, при этом пересолит её и блюдо подгорит, я всё равно это съем, потому что, скорее всего, Лори готовит не чаще, чем раз в десятилетие. Но она как будто прочитала мои мысли.

– И ещё, Юджин, не бойся, сама я готовить не буду. После того как я осталась одна, раз и навсегда решила, что больше к плите не подойду. Готовить себе – это как-то... – она задумалась, – ...совсем грустно. Я заказала еду из одного итальянского ресторана.

К вечеру Лори элегантно и даже почти строго оделась в серое платье с большим белым кружевным воротником. Я попытался соответствовать. Благо я купил несколько очень хороших английских белых рубашек. Еду привезли около восьми вечера. Лори прогнала меня, чтобы я не видел, как она накрывает на стол. Видимо, тот, кто доставил еду, помог ей и с сервировкой. Из дальнего угла был выдвинут тяжёлый стол, откуда-то появились два высоких стула, скатерть, свечи, очень красивые тарелки и приборы. На кухне всего этого не было. Всё это она принесла со своих закрытых территорий. И всё это говорило о какой-то её прежней и, видимо, безвозвратно ушедшей жизни. Она позвала меня, когда всё уже было на столе, вручила мне старый штопор и распорядилась открыть вино. Мы выпили две бутылки, съели всё без остатка, было вкусно, я только не очень помню, что именно. Потом мы перешли на диваны, Лори открыла бутылку превосходного виски, и мы какое-то время попивали его, говоря о том и о сём, чего я также не могу припомнить.

А ещё я не могу припомнить, как наш разговор вырлил на рассказ Лори о том, как она жила до того, как осталась одна. Не могу вспомнить и стилистических особенностей этого рассказа. Я просто перескажу то, что рассказала мне Лори. А рассказала она следующее.

В двадцать три года она в первый раз вышла замуж за довольно взрослого и очень хорошего человека, который работал в министерстве, связанном с гражданским мореплаванием. С ним она много путешествовала, посмотрела мир. У неё родилась дочь Мария, но это не мешало ей путешествовать, потому что у мужа было много сестёр, которые с удовольствием брали её дочь к себе. Муж умер, когда ей было тридцать пять. Оставил неплохое состояние. Ей всегда хотелось иметь маленькое кафе, и она таковое завела где-то на севере Лондона, недалеко от Мейда-Вейл. Это было совсем маленькое кафе, в котором она управлялась в зале одна, а на кухне был повар-индус. Ей было около сорока, когда в кафе повадился ходить молодой адво-

кат. Он приходил почти каждый день, кроме выходных. Заходил в обед и после работы. Лори сказала, что скоро поняла, что этот юрист приходит не потому, что ему так нравятся её сандвичи и кофе...

По рассказам Лори, она всегда была некрасивой, худой, костлявой. Но лет в тринадцать у неё начала расти грудь и выросла до очень больших размеров относительно её худой и вытянутой фигуры. По этой причине у неё всегда было больше парней, чем у смазливых и плоских подруг.

Тот адвокат через какое-то время стал проявлять знаки внимания, был очень робок и, видимо, сильно влюблён, хотя разница в возрасте у них была больше десяти лет.

– Я понимала, что сошла с ума, – говорила Лори, – но, когда он подарил мне кольцо и предложил выйти за него замуж, я согласилась. Юджин, я знала, что будет плохо, но согласилась! Правда, я представить себе не могла, насколько плохо мне будет.

Вскоре у них родилась Сара, а прожили они вместе пятнадцать лет. К тому времени Мария, старшая дочь, давно вышла замуж и жила где-то в Уэльсе, в прекрасном городке, в очень хорошем доме с красивым садом. Мужу Лори и Саре нравилось ездить в гости к Марии. Муж Марии почти всё время был в отъезде. Он был строителем и строил что-то в Китае.

– Это было на Новый год, Юджин, – медленно, глядя куда-то вверх, говорила Лори, затягиваясь сигаретой. – Здесь, в этой квартире, у меня было очень красиво. Я купила прекрасную ёлку, а на Рождество он (она ни разу не назвала бывшего мужа по имени) подарил мне шубу. Красивую лёгкую шубу. Я была такой счастливой... А первого января он объявил мне, что уходит от меня к моей дочери Марии. В один день я лишилась мужа и детей, – после небольшой паузы сказала она. – Сара была на его стороне. Он, в отличие от меня, всегда был ласковым. – И она замолчала.

Мы долго сидели молча.

– Знаешь, Лори, – сказал я, не в силах больше молчать, – если бы я просто записал твою историю и по ней сняли бы кино, никто бы никогда не поверил, что такое было на самом деле. Все бы сказали: ну вы наумудрили, надо немножко сдерживать свои фантазии!

Мой самолёт из Лондона был в десять утра. Выезжать нужно было сильно заранее. Лори сказала, что разбудит меня в шесть тридцать и сама закажет кэб. Она никогда не предлагала мне ничего подобного и никогда меня не будила. Тогда я долго не мог уснуть и забылся коротким и крепким сном уже под утро. Разбудила меня Лори громким стуком в дверь:

– Вставайте, сэр!

Пока я умывался, Лори приготовила чай, который мы вместе выпили прямо на кухне. Она была одета в чёрный свитер и серые брюки. Вся строгая, прямая, с острым, большим бюстом. Лицо её было бледным, а голова иногда слегка подрагивала, руки тоже. Ровно в семь раздался телефонный звонок, сообщили, что кэб на месте.

– Юджин, не возражай, кэб до Хитроу я тебе оплачу.

– Это лишнее, – сказал я, – театр оплачивает такси до аэропорта.

– Вот и прекрасно! – сказала она. – У тебя что, много лишних денег? Купи хорошую бутылку на эти деньги и выпей её с друзьями за меня.

– Но это как-то... – промямлил я.

– Не надо спорить! – оборвала она.

Она вызвала консьержа-индуса, чтобы он помог мне с вещами.

– Помоги сэру отнести его багаж в машину, – царственным голосом сказала Лори.

Мы спустились вниз втроём. Перед тем как я покинул Клайв корт, Лори взяла одну сумку у консьержа и сказала ему:

– Открой сэру дверь!

Когда мы уложили все мои сумки и пакеты в багажник кэба, Лори протянула консьержу пять фунтов. Она молчала, губы её были стиснуты, и она не смотрела на меня. Мы коротко обнялись, она пожелала хорошей дороги, я уже сел в машину, как вдруг опомнился.

– Лори, как я мог забыть! У меня же нет номера твоего телефона, – быстро проговорил я. Я действительно ни разу ей не звонил и не знал её номера.

– А зачем? – спросила она. – Адрес ты знаешь.

– Ну как же? – удивился я. – Не думаю, что я часто буду бывать в Лондоне. Пишу я по-английски плохо, а так смогу позвонить, поздравить с днём рождения королевы, – усмехнулся я.

– Ну разве что с днём рождения королевы, – улыбнулась она, медленно повернулась к водителю и попросила у него листок бумаги и ручку. Тот выдернул листок из какого-то блокнота, достал откуда-то ручку и протянул их Лори. Она взяла листок, положила его на капот, а я, высунувшись в открытую дверцу, за ней наблюдал. Медленно, дрожащей рукой она крупно вывела цифры, а ниже написала мелкими буквами: «Лори». Отдала водителю ручку, сложила листок пополам и протянула мне.

Я не мог сразу дотянуться до руки с листочком, а Лори не сделала шага вперёд и руку мне навстречу не протянула. Она замерла. И в тот момент, когда я едва не коснулся того самого листка, мои пальцы до него почти дотронулись... она вдруг скомкала листок, зажала в кулаке, а кулак прижала к груди. Я удивлённо смотрел на Лори, а она наклонила голову, заглянула мне в глаза и сказала:

– Юджин. Я не люблю ждать, – и, развернувшись, твёрдой походкой зашагала к дому. Лори ни разу не оглянулась, даже закрывая за собой дверь.

А я несколько раз тихо плакал по дороге в аэропорт.

С тех пор я был пару раз в Лондоне. И даже приходил на Мэйда-Вейл и подходил к подъезду Лори... Но потоптался там и не решился ни зайти, ни поинтересоваться у консьержа, как поживает моя старая знакомая. Я понял, что не хочу узнать о ней что-нибудь трагическое. А она вряд ли простит мне, появившись я без предупреждения. И если её болезнь прогрессировала за те годы, пока мы не виделись, если она сильно постарела, не знаю, хотела бы она сама, чтобы я её такую увидел. Да и хочу ли я увидеть её такой?..

Постоял я тогда у знакомой двери и ушёл, решив сохранить её образ в неизменном виде на всю оставшуюся мне жизнь.

16 января

В прошлом году в это время мне не удалось взять тайм-аут для письменных работ. Я вынужден был отправиться в премьерное путешествие с фильмом «Сатисфакция» по всей стране. Фильм не собрал тогда больших касс. Директора многих кинотеатров затолкали его

в будние дни на утренние сеансы или, наоборот, поставили на поздние часы. Но всё-таки довольно много людей посмотрели его в кинотеатрах. А мне пришлось потратить на это драгоценное зимнее время, которое обычно уходило на написание новых литературных текстов.

Забавно, что на сегодняшний день фильм посмотрели очень много людей. Ясное дело, что они скачали его из интернета. Многим рекомендовали друзья, которые тоже качали, качали, качали... Фильм людям понравился. Я постоянно получаю за него всё новые и новые благодарности. Уже и большинство кинематографистов его посмотрели и тоже теперь хвалят и благодарят. Но финансовый результат не позволил нам строить планы на будущие киноработы... А многим людям кажется, что фильм снят уже давно. Люди убеждены, что видели его впервые года три тому назад. Мне приятно. Это говорит о том, что наша картина выглядит не суетно, а так, будто уже давно сделана и давно понравилась.

Та зимняя поездка и невозможность поработать за письменным столом дают о себе знать. Оказался сбит мой давно сложившийся график. Теперь я с большим трудом восстанавливаю писательские навыки и буквально вгрызаюсь в самый сложный текст нового спектакля. А давно обдуманные, с прописанным планом и требующие только практического написания повести пришлось отложить.

Спектакль, над которым сейчас работаю, занимает все мысли. Он во многом связан с процессом не только воспоминаний, но и обращения к эпохам, о которых я помнить не могу, поскольку в них не жил. Я пытаюсь разглядеть в сегодняшней своей и окружающей меня повседневной жизни признаки ушедших или уходящих времён, то, с чем люди моего поколения по разным причинам не хотят расставаться, и то, что совсем непонятно тем, кто младше нас на пятнадцать-двадцать лет... Я уже не говорю о детях.

Я вдруг отчётливо увидел наше время, как время жуткой диффузии, а проще сказать – путаницы между отголосками, живыми людьми, привычками, традициями и правилами двадцатого века и тем новым и остро современным, что принадлежит веку двадцать первого.

Работая над новым спектаклем, я со всей остротой чувствую, с чем неизбежно и очень скоро мы расстанемся безвозвратно. То, к чему человечество привыкло, с чем прожило столетия и даже тысячелетия, то, с чем мы родились и что воспринимали как незыблемое, в ближайшее время и ещё на нашем веку исчезнет без следа. Но я хочу говорить об этом не трагически, потому что трагедии в этом большой нет... А может, и нет никакой трагедии... А может быть, я ошибаюсь, и это грозит не просто трагедией, а серьёзной бедой. Я не знаю. И совершенно уверен – никто не знает.

Никто не знает, что придёт на смену уходящим традициям, уходящему образу жизни, меняющимся правилам и нормам поведения... Наверное поэтому, отрываясь от основной работы над текстом нового спектакля, мне так хочется заглядывать в давно прочитанные книги, перебирать в памяти большие и малые, но главное – заметные события, вспоминать лица людей, из которых, собственно, и состоит прожитое. Лица людей, которые своим присутствием, своим влиянием на мою жизнь убеждали и убеждают меня в том, что спектакль надо доделать, повести дописать, что всё это не зря...

А в Калининграде наконец-то уже пару дней лежит снег. Город похож на побеленную в один слой стену. Побеленную неровно, да и извёстки было недостаточно, зато стало свежее, а воздух стал прозрачнее. Выглядываешь в окно, и видишь, что зима. И дети рады.

Завтра начну здесь рассказ про какого-нибудь такого человека, который так же, как описанные на этих страницах В. А. и Лори, сильно связывает меня с двадцатым веком. Но то из двадцатого века, с чем расставаться не хочу, вытравливать из себя не стану, даже если кому-то покажусь несовременным и архаичным.

18 января

Вчера была техническая неполадка, и я не смог выполнить обещание и разместить здесь очередной отрывок из своих дневниковых записей. Делаю это сегодня, хотя написано вчера.

Как я уже говорил, последние пару недель мне важно вспоминать лица людей, которые не промелькнули, а были в прожитой жизни существенными событиями. От этих людей остались только записки, бумажки, небольшие подарки, какие-то крошечные осколки от прежних встреч. И вот сегодня я хочу написать о человеке, от которого тоже остался маленький документ. Этот человек – я. Документ датирован первым октября 1995 года.

Моя старшая дочь Наташа родилась в ночь с тридцатого сентября на первое октября, но фактически это случилось первого октября. После полудня я приехал в роддом. В палату к жене и дочери меня не пустили, да я и не надеялся. Тогда сразу в палату не пускали и быстро не выписывали, так было принято. Не знаю, зачем тогда приехал. Просто по-другому не мог. Чувствовал, что нужно что-то делать, действовать, хотя ничего в моей ситуации сделать не мог, потому что к окну жена ещё не могла подойти, а передавать ничего не нужно было. Но я чувствовал потребность быть рядом и действовать, не мог усидеть на месте.

Я явился в роддом, поощивался в коридоре, написал маленькую записку и передал её через ворчливую медсестру. Не помню, как её писал. Волновался тогда и не запомнил, а записка сохранилась.

Написана она на бланке «Коагулаграммы» (бланк анализа крови на свёртываемость). На обороте бланка, на чистой стороне плохой ручкой и неровными, но разборчивыми буквами написано следующее: «Я счастлив! Всем уже позвонил. Мама приедит во вторник (написал с ошибкой, через «и»). Спасибо за дочь!»

Я не знал, что записка сохранилась – вместе с бирками, которые привязывают на ручки и ножки новорождённых. Эта записка лежала среди важнейших семейных реликвий. Детских реликвий. Вместе с первыми срезанными локонами волос, молочными зубами и прочими бесценными экспонатами. И вот на днях она попала мне в руки...

Я увидел себя в тот самый день. Увидел человека, который стал отцом, но ещё этого не осознал. Какую же глупость я написал в этой записке: «Спасибо за дочь!» Каково?! Зачем я это написал? А если б родился сын, я что, не поблагодарил бы?..

Как много можно увидеть в записке! Человека, который волновался и совершенно не знал, что делать. Растерянный человек убеждает себя в своём счастье, которого ещё не понимает. Молодой мужчина, не спавший ночь. Усталый, взволнованный парень, который до утра переживал, а утром долго звонил в родильный дом и не мог дозвониться. И снова звонил, чтобы узнать, что и как. А когда узнал, что всё хорошо и что у него родилась дочь, быстро обзвонил самых близких и стремглав помчался на автобусную остановку, чтобы ехать в роддом. В записке человек, который ещё не держал своего ребёнка на руках и даже его не видел... почему-то взял и написал: «Спасибо за дочь!» Написал фразу, совершенно ему не свойственную. Расхожую фразу. Клише. Фразу, услышанную в каком-нибудь дурацком кино или песне... Написал беспомощными, большими буквами, с ошибкой. Я не помню себя таким, но вижу такого себя в этой записке, на этой бумажке, в этих буквах, в этих двух строчках.

А когда родился сын, я записок не писал. Я написал эсэмэс-сообщение. Мне позвонили ночью, сказали, что началось... А потом – что родился сын. Услышав это, я посидел один, в тишине, минут десять (мы не узнавали пол ребёнка), и написал эсэмэс-сообщение. Помню, что нашёл какие-то другие слова. Всё-таки второй ребёнок – не первый. Я нашёл нужные слова, набрал их кнопками и отправил.

Это эсэмэс-сообщение, конечно, не сохранилось. И нет того телефона, на который оно пришло. И не сохранился тот, с которого я его отправлял. Нет самих аппаратов. Они во всех смыслах устарели. Давно исчерпан ресурс их аккумуляторов, что-то в них сломалось или они просто потерялись. Не знаю. Нет их, и всё. И слов тех нет...

А записка, написанная существенно раньше, в другом, далёком городе, на тоненьком больничном бланке, – сохранилась. И в ней много такого, что можно увидеть, разглядеть и прочесть.

Но если бы даже эсэмэс-сообщение осталось или запомнилось наизусть... И что? Нет букв, не почерка, нет бумажки! Нет того, что можно подержать в руках...

Р. С. Я работаю сейчас над спектаклем, который будет называться «Прощание с бумагой». В очередной раз убеждаюсь в удивительном устройстве жизни. Как только начинаешь над чем-то работать или над чем-то углублённо размышлять, или чем-то без остатка увлекаешься, сразу же мир, окружающие люди, мелкие и большие события – всё начинает тебе помогать, подбрасывать нужный материал и убеждать в том, что ты на правильном пути (*улыбка*).

20 января

В конце прошедшего года я совершил странный, кому-то покажется безрассудный, а кому-то – идиотский поступок. Про мотивы этого поступка я хотел бы рассказать, а также поделиться своим отношением к нему. Но начну издалека.

Лет семь тому назад любимый мной режиссёр Константин Худяков, картину «Успех» которого я видел много раз, знаю наизусть и думаю, что про театр никто ничего лучше не снял, не сказал, не написал... Так вот, режиссёр Худяков пригласил меня сняться в его фильме «На Верхней Масловке». Сценарий я прочёл без особого интереса. Мне предлагалось сыграть художника. Роль небольшая, и художник в этом сценарии какой-то... Такой, каким его представляют так называемые обыватели, – этаким человек не от мира сего, в растянутом свитере. Я встретился тогда с Константином Павловичем и отказался. Отказаться по телефону или озвучить свой отказ помощнице я не хотел, потому что имел дело с большим и почитаемым мной мастером. Прощаясь, я пообещал, что в следующей его работе, если он пригласит, непременно приму участие. Но приглашения не последовало.

Когда фильм вышел, я узнал, что главную роль в нём сыграла Алиса Фрейндлих. Это одна из лучших её работ. И пожалел, что отказался.

И вот в конце года, 18 или 19 декабря, точно не помню, мне позвонил Павел Худяков, то есть Павел Константинович, сын Константина Павловича, ныне известный и, можно даже сказать, самый известный наш клипмейкер. Павел – очень приятный, воспитанный и деликатный молодой человек. Он озвучил мне предложение сняться... в новом видеоклипе Тимати!!!

Каково?!

Тимати записал песню вместе с Григорием Лепсом. И Павел сказал, что им необходим для этого видео я, а снимает видео Константин Павлович, и это он хочет меня видеть у себя на съёмочной площадке.

Я стараюсь держать слово, пусть даже данное давно. И я согласился.

Не буду говорить об этой песне. Скажем так: в моей фонотеке нет песен Тимати и вряд ли появятся. Но мне вдруг захотелось пошалить. Так вот взять – и пошалить. Захотелось, чтобы эстетствующие чистоплюи протёрли глаза, не поверив им, когда увидят меня в этом видео. Захотелось дать наконец хоть один действительно существенный повод злопыхателям побрызгать слюной и желчью. А ещё захотелось один день посниматься у большого режиссёра.

К сожалению, в музыкальном видео ни Тимати, ни Григорий Лепс в кадре, как я понял, не появятся. Тогда бы шалость была настоящей (*улыбка*). Константин Павлович снимал маленькое четырёхминутное кино в чистом белом пространстве. Я сыграл страдающего мужа, которому жена изменяет с Дмитрием Дюжевым. В этом есть особая ирония. В том, что это именно Дмитрий Дюжев, я усматриваю даже некий зловещий смысл (*улыбка*).

Скоро это видео должно появиться на каком-то музыкальном канале. Сам я его не видел, увижу, когда появится. Но получил большое удовольствие. Съёмка проходила в хорошем пави-

льоне, стилист подобрал мне очень правильную хорошую одежду. Весь съёмочный процесс был налажен весьма профессионально. Такой оснащённой, отлаженной и чёткой работы я не видел ни на одной съёмке из тех, в которых участвовал. Мы весь день во время перестановок света и в перерывах беседовали с Константином Павловичем. Давно не получал такого концентрированного удовольствия от беседы. Приезжал Тимати с двумя большими, абсолютно кинематографичными охранниками. Вёл себя очень деликатно, можно даже сказать, застенчиво. Обращался ко мне на «вы» и по имени-отчеству. Был искренне признателен за моё участие. Если бы я не видел его прежних видео и не слышал его песни про Сан-Тропе по французским радио и телевидению, то подумал бы, что это молодой юрист, но только диковинно одетый.

А ещё я согласился, потому что я, чёрт возьми, люблю сниматься в кино, но за последние два года мне практически не поступало предложений. Была пара предложений сняться в сериалах, например, сыграть доктора Ватсона в новом многосерийном фильме, который сейчас находится в процессе съёмок, но хоть предложение и было лестным, оно требовало большого количества времени, и тогда пришлось бы пожертвовать и новым спектаклем, и задуманными книгами, и намеченными гастролями. И если честно, мне не понравился сценарий.

Мне редко делают предложения сниматься в кино. Бытует мнение, что я капризный и постоянно занимаюсь отсебятиной, всё время лезу со своими предложениями и умничаю. Какая же это неправда! Режиссёры, которые меня снимали, а это в основном хорошие режиссёры, большие, подтвердят, что более дисциплинированного артиста не сыскать. Почему? А потому что для меня съёмки в кино – это такая радость! В отличие от работы над книгой или спектаклем, я не несу ответственности за конечный результат. Снимаясь в кино, я выполняю задания режиссёра, который несёт ответственность за всё. Для меня съёмки – это приключение и отдых. А ещё мне нравится выполнять задания, которые мне даёт другой художник, потому что в своей работе я выполняю только собственные задания, и безжалостно требую их исполнения.

Участвуя в съёмках видео, я как бы хотел сказать: «Ребята, посмотрите, ну какой я, к чёрту, капризный? Где я умничаю? Где спесь? Я готов сниматься! Я люблю это дело!» (Улыбка.)

Вот такое было у меня в конце года приключение. Вот такую я допустил культурную шалость, а кто-то может подумать, что бескультурное хулиганство. В таких случаях принято говорить: «Не судите строго». А я скажу: «Думайте, что хотите». (Улыбка.)

26 января

Пришлось оторваться и от рукописи и от семьи ради планового лечения голоса. В последнее время пришлось прийти к такой практике – после каждого затяжного гастрольного блока нужно восстанавливать голос.

Раньше всё думал, почему у врачей такие чудовищные каракули. Даже не буквы, а какая-то тайнопись. А потом понял. Когда стал много писать, аккуратный почерк, которым гордился в школе и университете, превратился во что-то совершенно другое. Я сам в своих записях часто не могу отличить букву «и» от буквы «п». Стряпаю ужасное количество ошибок, а когда-то писал аккуратно, чистенько, понятно и без ошибок. Просто, когда много пишешь, рука начинает экономить силы и даже чернила. Видимо, то же случается и с врачами, ведь им приходится ужасно много писать.

Видимо, с голосом такая же история.

Когда слушаю свои записи десятилетней давности, мне даже жалко тот безвозвратно потерянный голос. Ну ничего. Сделаю техобслуживание голоса, и на пару месяцев работы должно хватить. А со следующей недели снова вернусь к более регулярным записям.

31 января

За время, пока лечил голос, ощутил себя на настоящих каникулах. Сам себе сказал, что лечусь и больше ничего другого не делаю. То есть само лечение занимало пару часов в день, остальное время я читал, смотрел кино, сибаритствовал. И если бы рядом плескалось тёплое море, а не шёл снег, было бы полное ощущение, что я отдохнул в санатории.

Но про лечение рассказывать неинтересно, а хочется поделиться свежими впечатлениями от просмотренного кино. Давно не получал сильных впечатлений и давно не возникало неудержимого желания ими поделиться.

На днях посмотрел фильм Сергея Лобана «Шапито-шоу». Если в вашем городе этот фильм идёт в кинотеатре, если вы доверяете моему вкусу и у вас достаточно времени – непременно посмотрите эту картину именно в кинотеатре. И лучше всего смотреть фильм с компанией единомышленников, чтобы потом было с кем обсудить, посмаковать детали, фрагменты, фразы. Правда, нужно быть готовым к тому, что фильм, хоть он и разделён на две части, длится двести семь минут.

Отчаянные ребята те, кто решил устроить прокат этой картине. Не думаю, что у них есть хоть какие-то шансы иметь кассовый успех и пробиться к широкому зрителю. Всё-таки почти четырёхчасовая картина, к тому же разделённая на две части, которые нужно смотреть отдельно... Кроме Петра Мамонова – ни одного известного лица. Странное название. Неопределённый жанр... И всё равно они большие молодцы, что решили свою картину показать в кинотеатрах! Это говорит о том, что людей, которые сняли фильм и занялись его прокатом, интересует прежде всего зритель. Не фестивали, не узкие круги скучных кинолюбителей и критиков. Им важно, чтобы их увидели как можно больше соотечественников и современников. Демонстрируя свою работу на экранах кинотеатров, они берут на себя ответственность и верят как в свою картину, так и, что самое главное, в зрителя, доверяют ему. Это редчайший случай в сегодняшнем контексте, потому что у нас зрителем интересуются только в качестве поставщика денег, а то и вообще плюют на него, делая фильмы в расчёте на малые и большие кинофестивали и некий мифический европейский кинопрокат.

Посмотрите «Шапито-шоу». Это настоящее современное отечественное кино. Этот фильм в самом лучшем смысле – целомудренный. Его запросто можно смотреть с детьми старшего школьного возраста и с пожилыми людьми, которые не потеряли интереса к жизни, но у которых есть вопросы к детям и внукам.

Фильм остроумно и витиевато построен. В нём много случайных или задуманных цитат, много нежного постмодернизма. Постмодернизма не архаичного, вчерашнего, занудного, а свежего, поскольку авторами он словно открывается вновь как откровение. Тем людям, кто привык к жёсткому жанру, что-то покажется в фильме лишним или совершенно непонятным. Однако даже любители сугубо реалистического кино найдут в «Шапито-шоу» и прекрасную, ясную мелодраму, и драму, и почти триллер. А от того, как завязаны и сшиты между собой части и новеллы картины, возникает такое увлечение, что я не смог оторваться и посмотрел все двести семь минут, что называется, на одном дыхании. Хитросплетения историй и устройство фильма удерживают зрительское внимание как хороший, умный детектив.

Но главное в этой картине – герои и диалоги. Персонажи «Шапито-шоу» уже давно не становились героями отечественного кино. Я знаю таких людей, знаю, где они живут, чем занимаются, о чём говорят и чего хотят. Герои этого фильма – одинокие и растерянные люди, которые не хотят быть одинокими. Это люди, ощущающие себя некрасивыми, но в своей борьбе с одиночеством они прекрасны.

В фильме много смешного, но такого, которое делает эпизоды не просто смешными, но ещё и *весёлыми*. Я давно этого не видел на нашем экране! От того, что делается в наших в бесконечных чудовищных комедиях, в залах возникает смех, но от этого смеха никак не весело. А в «Шапито-шоу» есть жизнерадостность и веселье, которые возникают оттого, что фильм делали люди умные, знающие жизнь, а главное – её любящие.

У каждого героя фильма есть песня и танец. Это странные, смешные, беспомощные, трогательные танцы и песни. Когда-то, ещё в театре «Ложа», я добивался от актёров таких танцев. Я хотел, чтобы не умеющие танцевать люди танцевали, как бабушки в деревнях рисуют наивные картины, то есть рисуют на пределе своих возможностей, добиваясь красоты, уверенные в том, что их картины красивы. Я добивался от танца предела возможностей и хотел, чтобы артисты на сцене танцевали, по их мнению, красивый танец. Это, конечно, получалось очень смешно, но человек танцующий становился беззащитен, открыт и тем самым прекрасен. Я называл это общедоступной хореографией. Именно такие песни и танцы в изобилии присутствуют в фильме «Шапито-шоу». Они фильм украшают, потому что сделаны не банально, с безупречным вкусом и пониманием материала.

Кроме всего прочего это настоящее кино. Современное, непросто сделанное, с изумительными актёрскими работами. Думаю, вы даже не сможете догадаться, кто перед вами, профессиональный актёр или нет, а непрофессиональных актёров в фильме много. В конце концов, это просто интересные истории с понятными и забавными персонажами. И даже немногочисленные мерзавцы в этой картине всё равно вызывают сочувствие и чуть ли не сострадание.

Сходите в кино! Поддержите вниманием и копеечкой тех, кто работает честно и для нас, то есть для зрителей. Понятное дело, «Шапито-шоу» и близко не подойдёт к цифрам, которые покажут фильмы типа «Ржевский против Наполеона» или «О чём всё ещё говорят мужчины». У этого фильма нет такого известного лица, как у Сергея Светлакова, чтобы разместить его на афишах (как у фильма «Камень»). Но если у вас будет время, сходите. Даже если вам придётся сидеть почти в пустом зале. Если там кто-то будет кроме вас, вы встретите, скорее всего, хороших людей, а это уже само по себе приятно. И очень хочется, чтобы авторы фильма почувствовали вашу (нашу) поддержку. А кого ещё поддерживать?! (*Улыбка.*)

3 февраля

Не разгибаясь сижу над текстом нового спектакля. Работа движется к финалу. А значит, практически каждая строчка уже требует тщательной огранки. Не люблю заканчивать работу над тем, над чем думал больше года и над чем последние месяцы трудился. Не люблю по той причине, что всё, кажется, получилось не так... Перечитываю текст, и он мне видится то слишком длинным, то, наоборот, коротким, то сложным для понимания, то, наоборот, элементарным и банальным. Но он заканчивается.

Вырвался на несколько дней в Киев. Нужно было немножко отключиться от текста. Настолько сложна композиция будущего спектакля и так увлекательны сами детали, с которыми я работаю, что хочется о каждой детали написать отдельное произведение. В этом смысле сложно себя ограничивать. Поэтому вырвался в Киев.

Впервые увидел его заваленным снегом, с огромными сосульками, придавленным непривычным для этого города морозом. Красиво очень! Хотя снег во многих местах, а особенно во дворах, не убран, на дорогах жуткие пробки. Многие люди явно не умеют ездить по такому снегу и в такой мороз... Но Киев, как выясняется, прекрасен в любую погоду.

Попытался прогуляться в ночную стужу по центру и Андреевскому спуску. Не вышло. Одежда была калининградская, не соответствующая холодам. И ботиночки тоненькие. Короткими перебежками пробежался по улице, из одного заведения в другое. Мне захотелось ощутить и вдохнуть в себя описанный Булгаковым киевский холод, который, как отдельный герой, присутствует в его «Белой гвардии» и «Днях Турбиных». Мне этот холод представлялся чем-то выдуманным, я не мог себе представить Киев замерзающим, оцепеневшим... Но вот увидел, что действительно здесь может быть по-настоящему, по-сибирски холодно. Представил себя поручиком Мышлаевским, спешащим на огонёк, с желанием немедленно запрокинуть рюмку-

другую. Что я, собственно, и сделал совсем рядом с домом Булгакова, где в эту зимнюю стужу так и виделись тени любимых персонажей.

Единственное, что сильно огорчало в Киеве, – это афиши. И афиши-то всё не киевские, а московские. Едешь по Киеву – и будто ты в Москве. Вот Стас Михайлов, вот Елена Ваенга, ещё не убрали афиши Григория Лепса. На кинотеатрах – «Ржевский против Наполеона», «Квартет И», среди белоснежного киевского благодушия страшно смотрится афиша жуткого (не страшного, а жутко плохого и бессмысленного до жути) фильма «Камень». На театрах – московские антрепризы. Плакаты калькированных и уже опробованных в России телешоу, какие-то соревнования певцов и опять же с лицом нашей Валерии... Почти затерялись среди всего этого маленькие афиши «Океана Эльзы» с симфоническим оркестром.

Создалось впечатление, что стужа пришла откуда-то со стороны нашей столицы. И принесла до боли знакомые лица замучивших нас исполнителей. Тесно этому холоду в сугубо российских пределах... Но если весна гарантированно придёт и уж точно потеплеет, то лица этих артистов, певцов, певиц и музыкантов ещё годы и годы не покинут наши улицы, в отличие от сугробов и сосул.

А в Калининграде тоже холодно. Солнечно, морозно и непривычно тихо. Топлю печку в кабинете, из дома почти не выхожу. Самая что ни на есть рабочая обстановка. Очень надеюсь, что к тому моменту, когда мне предстоит начало гастролей, морозы отступят и можно будет отправиться в Питер и Краснодарский край в пальто и шляпе.

7 февраля

Закончил работу над текстом нового спектакля, который будет называться «Прощание с бумагой». Не рассчитывал, что так быстро удастся справиться с этой непростой и казавшейся в начале работы абсолютно непредсказуемой темой. Я закончил её поздно вечером и даже не поверил тому, что поставил точку.

У меня всегда есть ощущение, что рассказ, повесть, роман или пьеса заканчиваются сами. Начинаю писать их я, а заканчиваются они сами. И всегда это происходит хоть и ожидаемо, но неожиданно. В пятницу я работал весь день и думал, что буду работать чуть ли не до утра. А текст – раз – и закончился... Я не смог усидеть дома. То, что произошло, было и радостно, и тревожно, и непостижимо... Нашёл по телефону кого-то из друзей и куда-то помчался. В общем, шампанского выпили мы много.

Сейчас разбираю и редактирую рукописные листы. Диктую чистовой вариант. И совсем не могу и не хочу отрываться от этой работы. Ужасно не люблю окончание длительного рабочего процесса, после которого возникает пустота и растерянность, непонимание, к чему приложить нерастратенные силы.

В Калининграде, как во всей Европе да и в большей части России-матушки, стоят морозы. Из печных труб целыми днями идёт дым. В двухэтажных районах города пахнет сажей и стужей. Не люблю морозы в Калининграде. Не идут они этому городу. Не свойственны они ему.

А мне каждый день по несколько раз звонят журналисты. Из редакций разных каналов зовут в какие-то программы обсуждать предвыборные темы. Интересуются, что я буду делать 4 марта и пошёл бы я на митинги или нет. Что я думаю о человеке по фамилии Навальный. Как я отношусь к тому или иному. Я отвечаю, что никак к нему не отношусь и про многие события не знаю. Мне не верят, полагают, что я чего-то опасаюсь.

Мне даже неловко за полное отсутствие в эти сегодняшние холодные, зимние дни всякого желания оторваться от работы, которую делаю. У меня давно не было возможности вдумчиво и отрешённо погрузиться в интересующую меня тему. Мне хочется в какие-то моменты даже оправдаться: мол, у меня есть и гражданская позиция, и мнение, и я его никогда не скрывал...

Но я не могу оторваться от работы, которую за меня никто не сделает. Если бы не было этой работы и если бы я был в Москве, разумеется, пошёл бы туда, где на митинге выступала Улицкая. Но я в Калининграде, я весь в архивных статьях, в высказываниях о бумаге, которые по моей просьбе собирала от многих из вас Ирина Юткина... Я весь в собственных заметках, которые накапливались в течение более чем года, весь в новом спектакле, который выйдет в сентябре. И мне сейчас, в эти февральские морозы, кажется, что сентябрь буквально завтра. И что мне не надо отрываться от своих бумажек.

11 февраля

Вчера закончил окончательную редакцию текста будущего спектакля. Необходимо теперь от него оторваться, отложить, не думать о нём и даже на тему этого спектакля не думать... А это трудно сделать. Полтора месяца круглосуточно жил только этим. Но, благо, надо лететь в Москву... У меня сильное ощущение, будто закончился какой-то глубоководный поход и предстоит выйти из подводной лодки. Погружение было серьёзное. Можно даже сказать, отвык от людей.

Всегда трудно войти в рабочий процесс после шумных, разноцветных, калейдоскопических гастролей и погрузиться в одиночное плавание, во тьму текстов, сложно склеивающихся между собой композиционных частей, в глубины сомнений, где не часто случаются радостные находки, которые почти тут же тускнеют под новыми и новыми слоями сомнений. Но ещё сложнее выходить из всего этого на поверхность...

Однако уже с понедельника ждут приятные события. В понедельник наконец-то, чёрт возьми, состоится презентация чайного сервиза «Кают-компания». (Если кто-то не помнит, это сервиз, мною придуманный и блестяще осуществлённый художниками и мастерами Питерского Императорского фарфорового завода.) Изначально эту презентацию планировали чуть ли не в ноябре, потом в декабре... Но фарфор изобрели давным-давно, в Китае, так что куда уж спешить. Два-три месяца туда или сюда для фарфора чепуха. Хорошо, что счёт пошёл не на года...

После дня рождения опубликую новое эссе про водку. Я написал вторую часть (первая была написана ровно год назад, и её легко найти в интернете). Вторая часть называется «Водка и коллективная память». Если в первой части я рассматривал разные аспекты, но с наибольшим вниманием отнёсся к феномену связи водки с управлением временем, то во второй части занялся исключительно связью водки с памятью, ну и отчасти с беспамятством.

Ещё из приятного... Мне пообещали к концу следующей недели, то есть к моему сорокапятилетию, напечатать новую книгу дневниковых записей, которая будет называться «От жизни к жизни». Это будет четвёртый сборник, и он получился самым объёмным и, пожалуй, самым драматичным. Предыдущие книги охватывали год записей. В свежей книге будет представлен более долгий период, а главное – этап ухода из активной блогосферы в отказ от интерактивности и обращение к тому, что есть теперь. На страницах этой книжки есть много-о-го того, о чём мне самому было волнительно, а периодически и жутковато вспоминать. Перечитал уже сформированную книжку с огромным интересом. Многому удивился. Что-то хотел бы исправить, в чём-то продолжаю упорствовать. Но у книжки явно есть весьма сложный сюжет и даже довольно лихая фабула.

В Калининграде по-прежнему теплее, чем где-либо. Сегодня днём было солнечно и –4 С. Это много теплее, чем в Краснодаре и Крыму. Недалеко от дома на озере почистили снег и катаются на коньках. На фоне высоких черепичных крыш и огромных корявых деревьев всё это – абсолютно голландская живопись. Об этом я много раз писал, но не устаю повторять.

Калининградцы, конечно, ноют. Они долго стонали по поводу затяжных дождей, теперь им слишком холодно. А я не нарадуюсь. Жаль, что в Москве, куда предстоит ехать, по-прежнему морозно. В моей «подводной лодке» всё-таки уютно и тепло (*улыбка*).

Десять дней буду в разъездах и делах. В первый раз в этом году снова выйду на сцену. 20 февраля выступлю в московском Доме актёра с творческим вечером. Игорь Золотовицкий стал его директором. Хочет вдохнуть в старые стены новое, живое содержание. Очень хочу ему в этом помочь, потому что дело хорошее. И планов у него в этой связи много. Да и у меня кое-какие появились. Однако об этом пока рано... Но 20-го почитаю что-нибудь из неопубликованного, расскажу что-нибудь забавное, и даже не удержусь и исполню пару фрагментов из грядущего «Прощания с бумагой».

Вот такие совершенно конкретные и весьма насыщенные дни мне предстоят. Появятся новые впечатления, что-то будет происходить. Снова будет о чём писать, а то в «подводной лодке» мало что происходит за пределами черепной коробки. Не о чем писать в дневник, да и дни друг от друга мало чем отличаются.

Я поднимаюсь из глубин. Дифферент на корму. Всплытие!

15 февраля

Ура! «От жжизни к жизни»: новая книга, ещё тёплая.

27 февраля

Надолго я выронил из рук перо... Да и неудивительно. После длительного, кропотливого и одиночного труда попал в водоворот человеческого общения. Десять дней назад мне исполнилось сорок пять, и если я этому не придаю особого значения, то общественность – придала... (*улыбка*). Семнадцатого февраля, после опубликования первых поздравлений в СМИ, я понял, что у меня первый в жизни юбилей. К полудню пришлось отключить телефон... Поэтому о том, что меня поздравил президент с супругой, я узнал только на следующий день, когда мне передали правительственную телеграмму. Хотел телеграммой порадовать родителей, но потерял... Жалко. Документ, между прочим!

Очень здорово отпраздновали сам день рождения. Приехали друзья-приятели из разных городов. Такая получилась география! Люди не пожалели времени и сил, добрались из Владивостока, Хабаровска, Кемерово, Краснодара, Нижнего, Калининграда, Алма-Аты... Ну и, конечно же, были Питер и Москва. Я волновался, как всегда. Читал друзьям отрывки из «Прощания с бумагой». Читал с пересохшим от волнения ртом. Друзья друзьями, день рождения днём рождения, но люди-то собрались непростые. Люди насмотренные, наслушанные, да и меня знающие давно... Но к концу чтения я уже был счастлив, чувствуя, что работал зимними ночами не зря.

В этом году Михаил Михайлович Жванецкий присутствовать не смог. Он был в своей родной Одессе с концертом. Но каково же было моё счастье, что он передал мне небольшое видеопоздравление, в котором зачитал написанный специально для меня текст. Мне хотелось бы им похвастаться, но без разрешения не могу и не должен, потому что он адресован мне. Но гордость и радость переполняют – вот уже и похвастался (*улыбка*).

Поздравления всё продолжают. Ещё доходят запоздалые открытки и посылки. Приятно. Люблю подарки.

А сегодня американская киноакадемия вручила «Оскар» фильму «Артист», и я воспринял это как ещё один подарок. Как же мне нравится эта картина!

Великолепная идея, воплощение идеи соответствует масштабу замысла. Все тонко, умно, красиво, детально и филигранно проработано, наполнено глубочайшим пониманием и знанием материала, но главное – любовью к кино. Я испытал какой-то детский восторг во время просмотра.

Конечно же, в детстве я мечтал сыграть в кино. И моя мечта осуществилась. Я снимался в семи картинах, мне посчастливилось работать с большими режиссёрами и операторами. Но, когда я смотрел фильм «Артист», я вновь испытал детскую мечту со всей уверенностью в

её несбыточности. Я никогда не сыграю в таком кино, никогда не прикоснусь к такой кино-сказке...

Сидя в кинозале, я периодически посмеивался над собой, потому что ловил себя на мысли: «Ой, а тут бы я мог лучше сыграть... В этом шёлковом халате я смотрелся бы не хуже. Здесь можно было сделать смешнее... Ради такой роли я точно научился бы бить степ и танцевать».

Если бы посчастливилось получить такую роль, я отдал бы на неё не задумываясь несколько лет жизни. Три года точно! Но этого не случится. Никогда (*этакая печальная улыбка понимания*).

Очень советую, пока фильм ещё идёт в кинотеатрах, получить максимальное удовольствие от того, что мы называем КИНО.

Послезавтра полечу на несколько дней в Норвегию, где вышла на норвежском книга «Реки». Возьму с собой старшую дочь. Содержательно проведём время. В мае прошлого года я там был, и страна поразила моё воображение. Так что лечу с радостью.

Чем больше происходит ярких событий, да ещё плотность их чрезвычайна... Чем больше переживаний, впечатлений и удивлений, случившихся за короткий период, тем труднее про них рассказывать. Трудно выделить какие-то особенные и отказаться от других. А рассказывать всё, что произошло и что пережито, ни сил, ни времени не хватит. Просто, поверьте, у меня были две недели, насыщенные счастливыми встречами, поздравлениями, словами, подарками, сюрпризами... И я устал от этого счастья. Быть счастливым без перерыва в течение более десяти дней утомительно... (*улыбка*).

Не знаю, что ещё сегодня сказать. Я давно сюда не писал, а после долгого расставания всегда трудно с выбором тем.

Но хочу вас порадовать (в случае, если вам понравится). В прошлом году я написал эссе про водку, которое называлось «Из личного опыта», и подарил своему другу. Он сделал в моей жизни много добра, но он из тех немногих людей, которым очень сложно сделать подарок... Я имею в виду – материальный. В прошлом году я подарил ему эссе про водку, а в этом я написал вторую часть, которую назвал «Водка и коллективная память». Вы можете её почитать и даже послушать.

Водка и коллективная память

...Как уже утверждалось в первой части моей работы, посвященной водке, водка – это напиток, не допускающий одиночного употребления. Одиночное, или одинокое, употребление водки сообщает о человеке, который это делает, что он либо несчастен, либо имеет серьезный душевный изъян, либо совершенно не имеет друзей, либо банально страдает алкоголизмом, либо все перечисленное вместе. Нормальный человек, конечно, может в одиночку выпить другую, третью рюмку водки, но делает он это нечасто, как правило, вечером тяжёлого трудового дня и то только потому, что друзья-товарищи тоже устали и не смогли составить ему компанию. В одиночку приличный человек много водки не выпьет.

Водка своим рецептом, цветом, вкусом и особым влиянием на сознание, а также, как мне представляется, даже фактом и историей своего происхождения требует коллективного употребления. Водке нужна компания. Прекрасно можно выпить водки и вдвоем, но лучше втроем, просто по той причине, что вдвоем гораздо быстрее пьянеешь и сильнее напиваешься. А ещё лучше пить водку вчетвером и более. Главное, чтобы люди были близкие, говорили на одном языке и имели схожие взгляды на жизнь. А то разница взглядов на жизнь в процессе коллективного употребления водки может привести к весьма печальным, эксцентричным, стыдным и болезненным последствиям. Правда, надо отдать должное водке, она обладает, помимо прочих, и анестезирующими свойствами.

Однако самая лучшая компания для выпивания водки – это компания людей, имеющих давнее общее прошлое. Проще говоря, компания старых друзей. Но таких друзей, которые выпивают вместе нечасто. Часто выпивающие вместе друзья склонны к упрощению, деромантизации этого процесса. Или же они стараются разнообразить этот процесс, находя для выпивания все новые и новые места, или пытаются разбавить свою компанию женщинами, или используют другие приёмы. То есть они пытаются внести разнообразие в выпивание водки за счёт внешних обстоятельств и факторов. А водке всего этого не нужно. Водке прежде всего необходима компания, только компания и непереносимое, содержательное общение в процессе её употребления. Так что три-семь давно не видевших друг друга старинных товарищей – это идеальный коллектив для водки как таковой.

Почему? А потому что водка самым удивительным образом связана с человеческой памятью и с процессом воспоминаний. Водка может в нужный момент запустить механизм памяти и позволить добраться до таких сокровенных пластов и залежей былого, до которых в повседневной жизни, без компании друзей и без водки мы и близко не добираемся, полагая, что забыли всё напрочь, не помним деталей своей собственной истории, погрязли в быту, работе и суете. Но выпитая с давними друзьями водка останавливает время, выдёргивает нас из повседневности и с невероятной лёгкостью вскрывает память слой за слоем. Она отправляет нас в прошлое, отключая при этом память о том, что на самом деле сегодня пить никак нельзя, а, наоборот, надо домой, а по дороге непременно нужно купить то-то и то-то, а завтра с утра важная встреча, к которой следует ещё сегодня перед сном тщательно подготовиться и т. д. и т. п. Водка управляет памятью так, как ничто ею не руководит. Но необходима компания!

Компания, в которой все пьют водку, и именно водку. Это важнейшее и непереносимое условие.

Посудите сами... Собралась компания друзей. На стол ставятся закуски. Селёdochка с лучком и отварной картошечкой, пусть картошечка холодная, пусть чуть посиневшая, но нарезана она рукой старинного друга. Кто-то покромсал колбаски. Нашлись огурчики-помидорчики. Из давеча сваренного супа извлекли кусок телятины и порубили его ломтями. Кто-то из друзей прилетел с Востока – и вот на столе какая-то рыба, которую непременно везут с Востока. Сибирский друг привёз солёных скользких груздей и вяленой оленины. Открыли какие-то консервы. Толстыми, неровными кусками порезан свежий серый хлебушек... Всё это загромождаёт стол. Все шумят, хохочут. Полный рот слюны у всех. И вот ставятся на стол разнокалиберные рюмки. И вот уже извлекается из холодильника первая бутылка водки. Её, запотевшую, моментально открывают. И вот самый опытный и надёжный друг начинает разливать... И вдруг кто-то в компании говорит: «Ребята, а я выпью виски. Лёд в этом доме найдётся?»

И всё!!! Компания тут же раскалывается. Потому что следом кто-нибудь непременно скажет: «Тогда я, пожалуй, коньячку. У меня с собой есть. Ещё кто-нибудь будет?» А кто-то уже с рюмкой в руке опомнится и промямлит: «Ой, ребята, я вообще-то водку давно уже не пью. Я бы винца... Красного... Ну или белого...»

Дружеская встреча тут же заканчивается, не начавшись. В итоге всем станет ясно, что зря собирались, зря летели и везли рыбу с Востока, зря солили грузди в Сибири, зря поддерживали отношения столько лет. Останется у всех от этой встречи только неприятный осадок. И на следующую уже не останется желания, сил и вследствие всего этого – времени. Решат собравшиеся друг про друга, что старые друзья зажрались или оуклились в своей повседневности, постарели, стали сильно деловыми, потеряли кураж, забыли былую дружбу, предали идеалы юности, попали под каблук и обабались, слишком заботятся о своём драгоценном здоровье и т. п. Сойдёт на нет старинная дружба. А произойдёт это только потому, что не случится того, ради чего, собственно, и собирались за столом давние товарищи. Не случится общего погружения в воспоминания. Не случится прогулки в былое...

Но если удастся первый дружный и единый тост, и рюмки с водкой будут запрокинуты, и каждый закусит тем, чем счёл нужным... А вскоре, то есть очень вскоре, будут второй и третий тосты... Неизбежно в какой-то момент за дружеским столом прозвучит магический вопрос, а точнее, сакраментальная фраза, произнесённая кем-то одним, но готовая слететь с уст каждого... Неожиданно в застольном шуме возникнет пауза и кто-то скажет: «А помните?..»

И вспоминаются имена и прозвища учителей, даже такие диковинные, как Алевтина Георгиевна или Эльва Филаретовна. Вспомнится одноклассница, в которую в девятом классе были все как по команде влюблены, и возникнет за дружеским столом в очередной раз спор о том, кто с ней был первый, а кто второй... Вспомнится та музыка, которую мы слушали в юности, и наперебой зазвучат имена музыкантов, названия альбомов и песен «Пинк Флойд», «Дип Перпл» и «Куин». Будет выпит тост за упокой души Фредди Меркури. Какое-то мгновение друзья засомневаются, чокаться им по этому поводу или нет. А потом чокнутся, и пойдёт всё дальше.

Без обид и злобы будет говориться: «А ведь ты, сука, меня тогда подвёл, помнишь?» или: «Братцы, помните, а ведь это он нас тогда всех сдал! Мы ещё гадали, кто это сделал... Ну, чё ты рожу отворачиваешь? Так оно и было!» Потом выпьют и обнимутся говоривший и тот, о ком шла речь.

А между сослуживцами вспомнятся имена и фамилии самых злых и лютых прапорщиков и старшин, которых когда-то хотелось убить. Тут же прозвучат их имена, чуть ли не с теплотой и нежностью, и даже будет выпито за их здоровье.

Прошлое возникнет за дружеским столом только в самом тёплом и светлом виде. Тост за тостом границы воспоминаний будут раздвигаться и почти исчезнут. И наступит та радость, которая переполняет людей за столом. И пьяные мужики, исполненные этой радостью, полезут обниматься и пускать пьяные слёзы от открывшейся им картины собственной прожитой жизни. А жизнь эта, как выяснится под водочку, не такая уж серая и заурядная, а совсем наоборот – яркая, большая, и в ней уже так много всего значительного было! И друзья – прекрасные люди! И есть чем гордиться!

И ещё водка даёт возможность хоть ненадолго забыть о финансовом и социальном неравенстве...

Если встретились давние друзья, которых жизнь поразбросала, да ещё у них очень разные жизненные достижения, только водка, вернув их в прошлое, сможет всех снова уравнять и примирить, хотя бы на время. Если же пить виски, коньяки, вина или ароматный ром, все финансово-социальные различия между друзьями только усилятся и обострятся.

Например, если какой-нибудь выбившийся в большие чиновники или в крупные капиталовладельцы бывший троечник в компании пожелает пить принесённый с собой виски или коньяк, то какой-нибудь бывший отличник, а ныне не всегда в меру пьющий зав. отделением горбольницы где-то в Поволжье, непременно скажет: «Ну конечно! Когда-то за гаражами портвейн «три топора» пил и считал за счастье, а теперь с друзьями водки не может выпить! Понима-а-а-аю! Какая теперь водка! Водки ХО не бывает!»

Или давно эмигрировавшему куда-нибудь в Швейцарию старому приятелю, пожелавшему выпить вина, скажет приехавший из Сургута нефтяник: «Да-а-а! Потерял ты совесть на чужбине! На человека перестал быть похож! Забыл, откуда родом? Водочка тебе, значит, не по нутру! Да я вообще с ним пить не буду, ребята! Я этого винища могу какого хочешь купить и сколько хочешь! Понял?! Дело-то не в этом! Ты кого из себя тут корчишь, Серёга?!»

А если все без исключения станут пить водку, то в разгар этого застолья врач из Поволжья или нефтяник из Сургута подумает про своих давних друзей: «Смотри-ка, нормальный мужик из него получился! Простой. Не зажрался. Ничё из себя не строит. Зря я про него плохо думал. Был нормальным пацаном, таким и остался, несмотря ни на что». А чиновник, или крупный финансист, или давно покинувший Родину эмигрант подумает: «Как хорошо, что решился с

ними встретиться! Какие славные они! Ни капли зависти в них. Ни пролетарской спеси, ни злобы. Всё-таки старые друзья – это старые друзья. Надо бы чаще встречаться! Хорошо, легко с ними!»

Однако из такой компании, в которой коллективными усилиями и при помощи водки был запущен механизм общих воспоминаний, нельзя уходить, невозможно покидать процесс, когда он в разгаре. Нужно держаться до конца. И тут уж кому на сколько хватит сил. Это совершенно не важно. Главное – держаться до конца! В дружеском кругу не стыдно уснуть рано и за столом. Но можно и не засыпать. Есть те, которым пить уже хватит, но спать они не намерены. Это не страшно. Друзья, те, кто меньше устал или у кого с водкой более тёплые отношения, всегда увидят и поймут, что кто-то дошёл до той точки, после которой он уже не может участвовать в коллективном процессе воспоминаний. Они позаботятся. Они присмотрят. Они не дадут другу ударить в грязь лицом.

Обычно такие дружеские застолья заканчиваются тем, что остаются в сознании два самых стойких друга, и где-нибудь на кухне они ещё долго сидят, периодически обнимаясь и звякая рюмками, и все бормочут тихонько что-то, уходя в такие дебри прошлых лет, что и самим неведомо, куда они забрели.

Так вот, нельзя покидать дружеское застолье, вдруг вспомнив о каких-нибудь нынешних обстоятельствах или некой ответственности. Покидание дружеской компании, в которой водка раскрыла двери прошлого и запустила воспоминания, чревато последствиями. Покинуть-то компанию можно, но запущенный процесс остановить нельзя! Если же кто-то покинул застолье, покинул друзей, недопил, недоговорил, недослушал, недовспоминал до предела своих возможностей, то, оставшись один, он почувствует страшное одиночество. Один на один с воспоминаниями, да ещё пьяный, но не до нужного уровня... Это добром не заканчивается.

И вот, оставшись один, такой отщепенец, да ещё в состоянии взбудораженной и разбуженной памяти о прожитом, вдруг ощутит себя несчастным и брошенным. Что тогда ему делать? Что он почти наверняка сделает? А он начнет извлекать из памяти имена и лица, а из памяти телефона чудом сохранившиеся номера своих «бывших». То есть бывших подруг, знакомых или коллег женского пола, с которыми были или могли быть, но не случились, большие или малые, серьёзные или случайные, романы, приключения или интрижки. И начнёт этот немного недопивший водки, недообнятый друзьями и ими же недослушанный мужчина набирать все эти найденные номера среди ночи. Набирать на удачу. И той, которая всё же поднимет трубку и не скажет ему, что он сошёл с ума, что он мог разбудить мужа и детей, что шёл бы он с такими ночными звонками к чёрту... Той, которая решится его выслушать, он признается в вечной и непроходящей любви, обольёт телефон слезами, сообщит, что он всё-всё помнит и что страшно одинок. При этом он действительно вспомнит пару самых трогательных и нежных эпизодов того романа или приключения. Вспомнит – и сам подивится тому, что, оказывается, не забыл такие подробности.

Одним из удивительных свойств водки в смысле её влияния на память является способность наутро отключить все ночные воспоминания и даже стереть из памяти само ночное застолье.

На следующий день выпитая ночью водка как бы очищает сознание от ненужных подробностей. Ты не можешь вспомнить, почему на тебе чужие ботинки, отчего болит правый бок и откуда в карманах брюк столько бумажек с чьими-то номерами телефонов и совершенно незнакомыми именами. У просыпающихся рядом друзей возникают подобные же вопросы, но по другим поводам. И у всех – только обрывки воспоминаний.

Но, несмотря на ужас в голове и во рту, друзья начинают склеивать и сшивать эти обрывки. Постепенно из этих лоскутков как-то воспроизводится картина прошедшей ночи. Потом коллективными усилиями более-менее восстанавливается хронология событий. Как

правило, процесс восстановления картины вчерашней вечеринки становится увлекательнее и забавнее самой вечеринки.

Чаще всего такие воспоминания о прошедшем застолье легко переходят в новое застолье для наиболее стойких и безответственных товарищей. А просто кто-то из старых друзей, пока остальные просыпались, приходили в себя и вспоминали всякую ерунду, уже раньше остальных встал и пошёл за водкой.

Специалисты и профессионалы утверждают, что главным ингредиентом и важнейшей составляющей любой уважающей себя водки является вода. Именно вода отличает одну водку от другой. Разные технологические и рецептурные тонкости и секреты, разумеется, имеют большое значение. Но вода – это самое главное! Так говорят специалисты.

А учёные утверждают, что вода содержит и хранит в себе память всей планеты. Только пока не найден способ извлечь эту информацию из воды, которая помнит не только динозавров, но и хранит непостижимые человеческим сознанием временные пласты.

Возможно, поэтому, если переборщить с водочкой, не остановиться вовремя, не соблюсти меры и не знать свою пропорцию, можно вспомнить такое, чего человеку и вспомнить-то невозможно! Такое, чего не происходило ни с тобой, ни с твоими друзьями! Таких можно узреть динозавров и окунуться в такие мрачные времена, что лучше меру свою знать! Или надо иметь рядом друга, который спасёт. Или, несмотря ни на что, из последних сил добраться до дома, где ждут, где, конечно, будут ругать и стыдить, но где она... Она, родная и единственная, прогонит всех чудищ и динозавров, загонит тени прошлого в тёмные закоулки памяти, вернёт заблудшего своего мужчину в настоящее, из которого надолго отлучаться всё же нельзя.

И короткое замечание напоследок.

Когда познакомишься с некой женщиной, которая тебе понравилась или даже которой ты очарован... И спустя какое-то время возникает ситуация, когда можно ей предложить выпить чего-нибудь алкогольного... И ты хочешь быть галантен. Рекомендуешь шампанское и готов заказать самое лучшее. Или предлагаешь хорошее вино или какой-нибудь коктейль с диковинным названием...

Вот ты всё это предложил, а она поразмыслила да и сказала: «Вы только ничего такого не подумайте, но я предпочитаю выпить водки. Вас это не шокирует?»

Как эта женщина сразу к себе ещё больше располагает! Как усиливается очарование, какой она сразу предстает в твоих глазах цельной, гармоничной, сильной, не фальшивой, не жеманной, а наоборот – настоящей и какой-то родной! Какая теплота нисходит на сердце, какое благодущие и радость!

И хоть вы с этой женщиной едва знакомы и нет никаких общих воспоминаний, но после таких её слов тут же возникает надежда или почти уверенность, что общие воспоминания непременно и скоро возникнут.

Эта околонуточная работа далеко не закрывает тему. Тема обширная, и на следующий год я задумал раскрыть ещё один её аспект. Напишу эссе под названием «Водка и география». Думаю, на несколько лет мне ещё хватит разнообразных пластов водочной тематики, до которых приятно будет добраться мыслью и словом.

28 февраля

День Масленицы выдался в Калининграде в смысле погоды совершенно безумным. Весна боролась с зимой как в плохих фильмах про бокс или армрестлинг. В таких фильмах, как, помните, один боец, или борец, вроде бы добил, или дожал, противника, нанёс ему сокрушительные удары, а тот и не сопротивлялся и получал удар за ударом по физиономии... Но вдруг ни с того ни с сего всё меняется, и избиваемый начинает избивать сам, казалось бы, уже

победившего противника. Вот точно так же всё прошедшее воскресенье погода менялась на противоположную совершенно неожиданно. С утра было яркое солнце, причём такое, которое, кажется, так и будет сиять весь день. Люди рванули кто за город, кто к месту массового поедания блинов. Но тут зарядил такой снегопад и такая метель, что не стало видно домов на расстоянии ста пятидесяти метров. Только люди кинулись очищать от снега автомобили и разъезжаться по домам, как тут же выглянуло солнце. И так раз пятнадцать за день. Даже утки, коротающие последние зимние деньки на льду близлежащего озера, были сбиты с толку. Только устраивались поудобнее и прижимались друг к другу, чтобы легче перенести метель-пургу, как тут же выглядывало яркое и очень бодрое солнце. Они радостно взлетали, чтобы покружить над проталинами и размяться, и в этот момент их, как из снежной пушки, накрывало белой шрапнелью. Я и сам раз десять то задёргивал, то отдёргивал шторы.

Такой борьбы одного с другим в нынешней предвыборной кампании, как бы кому чего ни казалось, – нету. Хотя очень многие люди заряжены всем происходящим, тратят нервные клетки, гневаются, спорят, кто-то суетится напоследок... Однако всё уже ясно. А ещё ясно, что это последние вялые и не то что предсказуемые, а предсказанные выборы. Таких больше не будет...

Что-то я устал успокаивать своих друзей и приятелей. Особенно тех, кто живёт в Москве. В провинции как-то спокойнее и солиднее относятся к тому, что происходит и произойдёт. Причём не равнодушнее, а именно солиднее. Я успокаиваю друзей, понимая всю бессмысленность и тщетность сегодняшних их переживаний. Я говорю им приблизительно следующее...

Уже все для себя всё решили. Те, кто решил голосовать, уже знают, за кого будут голосовать. Те, кто решил не ходить на выборы, на выборы не пойдут. Те, кому плевать на эти выборы, уже на них наплевали. Зачем же тратить драгоценные нервные клетки, зачем спорить и гневаться? Зачем накапливать в себе злобу по отношению к тем, кто видит сегодняшнюю ситуацию иначе? С этими выборами жизнь не закончится. Равно как ничего чудесного не начнётся. Надо оторваться от телевизоров, от радио, от интернета, от нервных телефонных разговоров и споров при любом удобном случае. Оторваться и не связывать свою жизнь с чьими-то уже принятыми решениями. Эти решения, конечно, повлияют на жизнь каждого. Но рвать по этому поводу волосы, отчаянно заламывать руки или копить в себе гнев – это последнее дело. Всё уже решено, имеется в виду, решено не за нас, а нами уже всё решено. Даже то, что мы не согласны с этим, – это тоже уже решено...

Лично я намерен интересно и плодотворно жить и ближайшие до выборов дни и последующие за ними годы. И я уверен, что такого постыдного фарса, который происходит сейчас в нашей стране под названием «Выборы Президента», больше не будет. Я не знаю, что произойдёт к следующим выборам, но отчего-то есть уверенность, что уже не будет так стыдно, как сейчас. Почему есть такая уверенность? А потому что я люблю Родину, уважаю своих сограждан и своих современников и гораздо лучше тех, кто творит то самое, что мы ежедневно наблюдаем по телевизору и читаем в газетах, понимаю суть происходящего.

Завтра полечу в Норвегию. Там, как ни странно, теплее. Но через три дня – обратно...

5 марта

Ещё вчера утром был за полярным кругом, потом переночевал дома, а сейчас уже в Питере. В Осло было +12 С. В Киркенесе видел северное сияние, первый раз в жизни. Честно говоря, ожидал большего... Но сам факт меня впечатлил.

10 марта

В данный момент я в Новороссийске, у меня здесь спектакль и здесь холодно. Тепло за последнее время было только в Норвегии. А после холода буквально преследуют. Позавчера выехал из Питера в Москву дневным скоростным поездом... В Питере мёрз. К моему отъезду

потеплело до нуля. Ехал почти строго на юг. Приехал в Москву – минус десять. Забавно было наблюдать, как по дороге падает температура. Почти на два градуса каждые сто километров. Вот тебе и юг! Вчера прилетел в Геленджик – минус два.

И там и там одинаковая температура. Но отчего-то за полярным кругом минус два ощущается просто подарком и хочется чуть ли не раздеться, а минус два у Чёрного моря в марте ощущается как обман и подвох, а точнее, как издевательство.

Когда прибыл вчера в Геленджик, застал в гостинице окончание празднеств и удлинённых выходных. Другого слова, кроме как «кошмар», у меня не находится. Я прежде не видел в гостиницах с мировым именем, чтобы рядом с музыкантами, исполняющими произведения на рояле и контрабасе, сидели юнцы и девки в гостиничных халатах на голое тело. А поскольку они не стеснялись своих движений и поз, было видно, что халаты надеты совсем на голое тело. Юноши были явно кавказского происхождения, и им замечаний не делали. А то, что рядом находились дети и много людей, их не смущало.

После полуночи уже другие постояльцы гостиницы, одетые весьма нарядно, по их мнению, но при этом весьма спортивно, поняли, что рояль, стоящий в центре холла, простаивает напрасно. Более двух часов они терзали инструмент, пытаясь не только сыграть «Собачий вальс», но ещё его и станцевать. Замечаний им сделано также не было. А это в лучшей гостинице Геленджика. Местный сервис, а главное – представление отдыхающих о том, что значит «отдыхать нормально», лишило меня всякой надежды на то, что когда-нибудь можно будет с удовольствием ездить на наше Черноморское побережье. Представляю, что здесь творится в сезон...

Четыре дня назад у Михаила Михайловича Жванецкого был день рождения. Даже не буду говорить, сколько ему исполнилось лет. В эти цифры невозможно поверить! У меня был спектакль в Питере, и я не смог лично поздравить любимого автора. Поэтому я, как в стародавние времена, воспользовался бумагой и ручкой и написал Михаилу Михайловичу поздравительное письмо. Считаю возможным показать, что я написал.

Дорогой Михаил Михайлович, поздравляю Вас с днём рождения!

Удивительно, что Вас можно поздравить с этим событием! Удивительно не потому, что у меня есть такая возможность, хотя это и является предметом моей гордости, а потому, что поздравлять Вас с рождением – это странно!

То, что у Вас есть день рождения, это значит, что Вы когда-то, а точнее 6 марта такого-то года родились... Этот факт, в свою очередь, сообщает, что до этого дня Вас не было. Вот что странно, удивительно и невероятно! Этого понять и представить я не могу.

Если честно, то я не помню, чтобы и меня не было. По моим ощущениям, я был всегда. Я, конечно, знаю, что когда-то меня не было и когда-нибудь меня не будет... Это я знаю. Но такое знание мало что даёт.

Но Вы-то были много раньше! То есть Вы были совсем всегда. К тому моменту, когда я более-менее членораздельно произнёс первые слова, Вы уже оказали на русский язык такое влияние, что осваивал я его со своим поколением уже в том виде, в каком Вы нам его предоставили. А это значит, что Вы нам подготовили к освоению не стишок, не рассказ и не повесть, а целый язык с особыми смыслами и порядком слов. Это, конечно же, доказывает, что Вы были всегда.

А вот ещё одно доказательство моего утверждения: у Вас точно нет возраста.

Нет, конечно, какие-то цифры и точные данные в виде цифр есть в Ваших документах, но они не для людей, а для документов.

У Вас никогда не было понятного окружающим возраста. То Вы были слишком молоды, чтобы быть таким умным и так знать жизнь, то вдруг, наоборот, никто уже давным-давно не верит цифрам в Ваших документах, потому что Вы слишком для этих цифр молоды,

точные, современные, свободны и у Вас так много любви к жизни, что ни в какие цифры поверить нельзя.

А ещё Вы своим существованием и искусством доказываете, что во Вселенной, кроме нас, никого нет. Мы одни в этом бесконечном космосе. И в этом мире одни.

Ясно же, что Вы очень, ужасно, чрезвычайно земной и совсем без остатка наш. А это значит, нигде, кроме как на Земле, среди нас нет тех форм жизни, которые смогут Вас понять и полюбить. А те формы жизни, которым Вы не нужны и непонятны, – это просто иные формы жизни, которым и мы вместе с Вами не нужны и непонятны (Вы-то понимаете, о чём я).

И надеяться на понимание вроде глупо!

Да вроде никто и не надеется...

Но у Вас как у очень молодого человека так много надежд!!! Даже иллюзий много!!! А у нас заодно с Вами...

И это всё несмотря на непостижимое знание жизни...

То есть Вы были здесь всегда! Но как же хорошо, что Вы живой человек! И именно поэтому Вас можно поздравить с днём рождения!

Хоть это и странно.

Всегда и бесконечно Ваш, Женя Гришковец.

На большее сегодня у меня ни времени, ни возможности нет.

На юге холодно, но весна неизбежна!

21 марта

Всё-таки, я убедился, что не могу писать или диктовать какие-то заметки в процессе гастролей. Раньше мог. Раньше можно было обойтись короткими записочками. Сейчас не вижу в этом смысла. Раньше чувствовал зависимость, боялся потерять внимание к себе и аудиторию. Сейчас опасаюсь только сиюминутности высказывания и его необязательности.

Ох, и трудная у меня была в этот раз гастроль! Такие холода, такие ветра и такая неуместная и несвоевременная погода давно меня не преследовали так долго и неотступно. Весь март зима была со мной, где бы я ни оказался. Посудите сами: 3 марта я – за полярным кругом, на норвежско-российской границе, но со стороны Норвегии. А 18-го приехал в Ставрополь, где горы снега, огромные сосульки и во всех дворах твёрдые сугробы. При этом из Калининграда мне сообщали, что уже расцветают крокусы и скворцы надрываются как сумасшедшие. Позавчера вернулся в Калининград, здесь +2 С, дикий ветер и колючий снегопад. Позвонил в Ставрополь – там +15 С...

Я мёрз везде. Сначала в Геленджике и Новороссийске, стоило оттуда уехать – там потеплело. В Краснодаре были почти мороз и солнце... То есть обманчиво яркие и холодные дни. Как только выехали за околицу в сторону Ростова, тут же краснодарские термометры ударили столбиками вверх. В Ростове не удалось походить без головного убора и шарфа, потому что было чертовски холодно для этих мартовских чисел. Когда добрался до Ставрополя из Ростова, доложили, что температура подскочила на десять градусов и все наслаждаются весной. Теперь мёрзну дома, убеждая себя, что я не виноват (*улыбка*).

Как же незащищен, жалок и уныл наш российский юг в холода! Точнее, тогда, когда наш юг лишен своего главного козыря и преимущества – тепла. Я ощутил это в полной мере в этом своём туре. Когда кругом бушуют морозы, когда на Дальнем Востоке лютуют мощные циклоны и снегопады, когда в районе Магадана корабли затёрты льдами, когда по всей Сибири из-за морозов отменяют занятия в школах, в Москве из-за снегопадов случаются транспортные коллапсы, а в Питере серое небо цепляется за шпили Петропавловки и Адмиралтейства, с Финского залива город штурмуют ветра, а мелкий снег летит под таким углом, что, кажется, может

порезать лицо... Краснодарский край, Ставрополье и Ростов обычно показывают сплошные плюсовые температурные результаты. Смотришь сводки погоды и думаешь – живут же люди! Но когда в целом по стране всё как обычно, то есть на Урале днём чуть выше нуля, почерневший снег сочится мутными ручейками, а ночью всё прихватывает морозцем и сосульки тянутся к земле, кажется, прямо на глазах... Когда весна в обычные сроки в полдень наносит более-менее ощутимые удары по зимним накоплениям снега и льда по всей большой стране, а на юге должно уже быть тепло вовсю, но совсем наоборот... Как же печальны южные степные просторы, какими даже не худыми, а тощими кажутся пирамидальные тополя, как тоскливы неухоженные и неприбранные ещё двory южных приземистых домов... Да! Уже в середине мая всего этого будет не узнать. Весна на юге рванёт резко, неудержимо и обгонит всю остальную огромную страну. Обгонит вспышками сирени, взрывами яблонь и слив, тюльпанами в садах, зелёной дымкой деревьев и по-настоящему тёплыми ветрами. Обгонит короткими юбками, лёгкими тканями и по-летнему расправленными плечами.

Я так хотел чуть-чуть ускорить себе весну и поэтому спланировал мартовские гастроли именно на юг. Ещё раз убедился, насколько нелепо любое планирование в смысле расчётов на погоду... Особенно неприятно то, что в театрах на юге в морозные дни ужасно холодно и неуютно. В Новороссийске люди, которые решили одеться понаряднее, зябли в прохладном зале, в Ростове дамы во время спектакля старались укрыть оголённые плечи. В Ставрополе семьсот зрителей так и не смогли обогреть остывшие стены.

Единственно, где было по-настоящему тепло на сцене и в зале, – это в маленьком Таганроге. Что за чудесный театр в Таганроге! Всё-таки умели строить в стародавние времена. Таких маленьких-больших театров не то что в стране – в мире раз-два – и обчёлся. Театр, в который Чехов бегал, будучи ещё гимназистом, чтобы послушать, мне кажется, сомнительного качества музыкальные спектакли, построен со всем изяществом той эпохи. Несмотря на то что в нём меньше четырёхсот мест, балконы, ярусы, колонны создают ощущение по-настоящему большого и значительного театрального пространства. А ещё в этом театре попросту тепло и чисто. В нём приятный коллектив и дружелюбная по отношению к приезжему артисту атмосфера.

Если бы не южная публика, не знаю, как бы я пережил эти гастроли. А южная публика замечательная! Все спектакли задерживались минимум на 15–20 минут, потому что южные люди не могут и, мне даже кажется, не должны приходить вовремя. Они шумны, по-своему нарядны, несколько беспечны (или кажутся таковыми), неохотно отключают мобильные телефоны, зато охотно аплодируют, смеются и дарят море цветов. В Ставрополе меня завалили цветами... Но про Ставрополь и Таганрог я хочу рассказать отдельно, а ещё раньше хочу рассказать про Заполярье и про маленький приграничный городок Киркенес, в котором мне удалось побывать, прежде чем я рванул на юг. У меня есть несколько деньков перед следующими гастролями, и я постараюсь написать то, что задумал.

22 марта

Норвегия. Киркенес.

В начале марта я побывал в таком месте, где больше никогда не побываю. Прилетев в Киркенес, я этого ещё не знал, улетаю из него, я это понимал отчётливо. Киркенес – это маленький город на самом северо-востоке Норвегии. Он как бы находится между Россией и Финляндией. До российской границы от центра Киркенеса, то есть от центральной его площади, ехать минут пятнадцать-двадцать. Именно по этой причине Киркенес обладает своеобразием, которое произвело на меня сильное и скорее печальное впечатление.

Попал я туда по приглашению, которое получил от некоего литературного сообщества Норвегии. Я не очень понимал суть мероприятия, на которое меня позвали, а когда оказался

на месте, я эту суть понял, но притом окончательно отказался понимать смысл моего участия в мероприятии.

Это была конференция, на которую в основном собрались библиотекари из разных норвежских малых городов, а также несколько библиотекарей из российского приграничья и Мурманска. Ещё были норвежские писатели, как я понимаю, весьма средней величины. Конференция состояла из нескольких семинаров, посвящённых, если я правильно понял, сугубо библиотечным вопросам. Но главной её темой была проблема сохранения саамского языка. В Норвегии живут саамы – небольшая народность, язык которой относится к финно-угорской группе. Зачем я был там нужен? Этот вопрос мучил бы меня всю жизнь, если бы я уже не выбросил его из головы. Однако приняли меня там очень радушно и как почётного гостя.

Прежде чем отправиться в Норвегию и Киркенес, я, конечно, поинтересовался, что же это за город. В интернете вычитал, что в городе проживает 15 тыс. человек, что лететь до него из Осло два часа и что там две основные достопримечательности – пограничный музей и снежная гостиница. Ещё в качестве развлечения можно покататься на снегоходах или собаках. Летел я туда со старшей дочерью Наташей. На снегоходе и на собаках я прежде никогда не катался, поэтому ожидал приятных новых впечатлений.

Меня поразило обилие рейсов из Осло в маленький Киркенес. Я представлял себе, что мы полетим на крошечном самолёте с пропеллерами и с нами вместе полетит несколько рыбаков, охотников, пара пограничников и какой-нибудь бородатый геолог. Так я представлял себе полёт в Заполярье, в затерянный между границами, забытый богом населённый пункт... Каково же было моё удивление, что рейс на Киркенес собрал кучу народа, что летим мы «Боингом-737», что он забит битком, билетов в этом направлении за неделю не достать, и только прямых рейсов из Осло в Киркенес три в день, но можно добраться и с пересадками. Народ летел разношёрстный. Много было сильно пожилых людей из Америки, были британцы, и у кого-то в руках я увидел даже новозеландский паспорт. Явных морских волков и учёных-полярников я не встретил вовсе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.